

В. Плоских

***С ОТРОГОВ
НЕБЕСНЫХ ГОР
ДО СЕВЕРНОЙ
ПАЛЬМИРЫ***

ПЛОСКИХ В. С *отрогов Небесных Гор до Северной Пальмиры /*
Под ред. акад. А.Ч. Какеева, – Б.: Илим, 2003, – 126 с.

ISBN 5-8355-1151-6

Книга посвящена малоизвестным страницам установления кыргызско-российских взаимоотношений в XVIII-XIX вв. В нее включены документальные материалы и художественные эссе, повествующие об инициаторах этих отношений.

Под редакцией

академика А.Ч. Какеева

Рецензенты:

член-корр НАН КР, Д. Джунушалиев,
кандидат истор. наук, доцент Г. Харченко

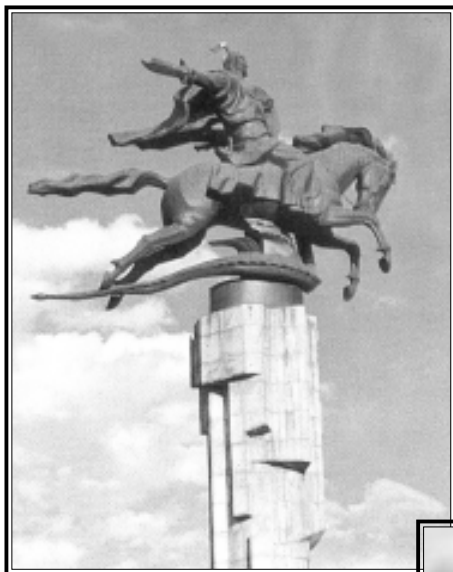
Рисунок на обложке: Кыргызские послы в России.
Художник – Ж.Кожаметов

Рекомендовано к изданию
ученым советом гуманитарного факультета КРСУ и РИСО НАН КР

ISBN 5-8355-1151-6

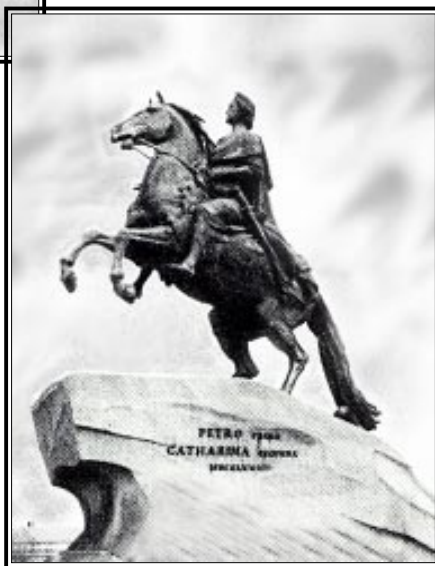
© В.Плоских, 2003 г.

*Посвящается
300-летию Санкт-Петербурга
и 265-летию Атаке-батыра*

Медный всадник

Манас

Атаке Батыр Тынай бий уулу

Так полностью звучит по-кыргызски имя Атаке-бия, ставшего родоначальником и провозвестником установления дружественных отношений с Россией. Еще императрица Екатерина II с соблюдением формальностей высшего дворцового этикета приняла в Санкт-Петербурге посланника Киргизии Атаке Бия, который первым наладил отношения с Россией... В исторических трудах даются лишь очень краткие сведения о его жизни и деятельности.

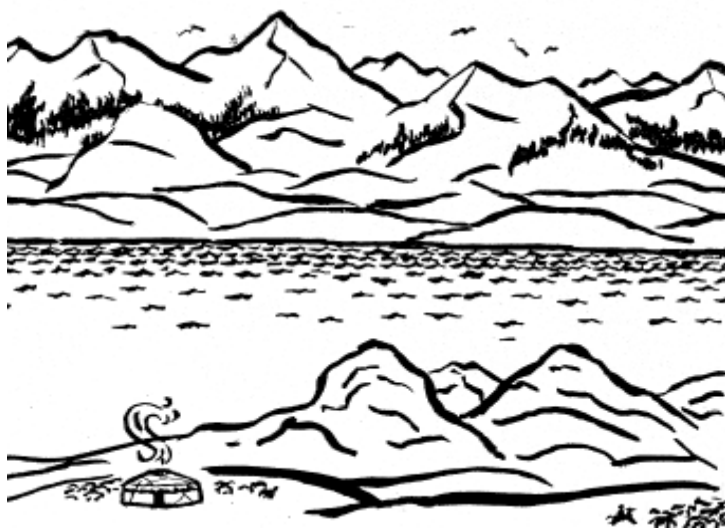
Тема истории Кыргызстана в XVIII веке все еще остается недостаточно изученной частью истории кыргызского народа. До сих пор точно не известны даты рождения и смерти Атаке Батыра. Есть сведения, что Атаке-бий родился в 1738 году. Это значит, что в 2003 году мы вправе отметить 265-летний юбилей Атаке-Батыра.

А. Акаев

Научные Исследования

КРАТКИЙ ЭКСКУРС

В ИСТОРИЮ КЫРГЫЗОВ —

ДРЕВНЕГО ГОРНОГО НАРОДА

Кыргызстан – на 4/5 страна гор. Кыргызы – один из древнейших горных народов. Впервые этноним «кыргыз» зафиксирован в китайских хрониках под 201 годом до н.э. Но предки кыргызов – саки, гунны, усунь, своими корнями уходят еще в более седую древность.

Уважаемый читатель, попробуйте воссоздать свое родовое генеалогическое древо, и вы тут же убедитесь, какую непростую задачу поставили перед собой. А насколько сложнее, многослойнее проблема восхождения любого народа. Сегодня, пожалуй, невозможно назвать народ, в родословной которого было бы все ясно, и ученые не ломали бы копыя в спорах по поводу всевозможных гипотез.

Полно загадок и в происхождении кыргызского народа. Казалось бы, так просто: в древние времена кыргызы жили на Енисее, а потом перебрались на Тянь-Шань, и все. Но эта простота кажущаяся. Она вводила в заблуждение многих ученых, до предела накаляла научные дуэли, и все же, и сегодня существует чуть ли не полтора десятка гипотез о происхождении кыргызов. С точки зрения науки, это был многогранный сложный процесс – во времени и пространстве. Но поинтересуемся прежде, что говорит о своей истории и происхождении сам кыргызский народ?

Тысячелетний героический эпос «Манас», передаваемый многими поколениями из уст в уста, является как бы энциклопедией былой кыргызской жизни. Его задачи в изложении народного писателя Чингиза Айтматова так повествует о великой протяженности во времени кыргыз-

ской истории: «От тех дней и до этих дни утекли, как песок, ночи ушли чередой безвозвратной, годы ушли в века. В этом мире с тех пор столько душ пребывало, сколько камней есть на свете, а может и больше. Были добрые люди и злые, силачи гороподобные были, мудрецы всезнающие были, мастера все умеющие были, народы многолюдные были, давно исчезнувшие, от которых остались теперь лишь их имена...

Что было вчера, того нет сегодня. В этом мире только звезды вечно правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце вечно с востока встает, только земля черногрудая на извечном месте своем...

А тем временем скалы осыпались в прах, и ветры угнали ту пыль в бесследные дали. Города воздвигались, и на старые стены новые стены вставали... От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, дело рождало дело, песня сливалась с песней, быть стала древним преданием...

В этом сказании воскресим мы слово отцов и дедов. И минувшая жизнь снова возникнет взором живых...»¹. В эпосе «Манас» юный герой спрашивает отца о происхождении своего рода. Джакып – аксакал в затруднении:

«О дитя мое, род Твой навеки из тюрков-кыргызов,
Правил предок наш,
Потеснив род кытай.
Растеряли мы свой народ
Тогда, когда в разных местах
Каждый из нас правителем ходил»².

Прародина кыргызов в эпосе не указана, но место рождения Манаса и многие события происходят на Алтае,

---

¹ *Айтматов Ч.* См.: Памятники культуры и искусства Киргизии, Каталог выставки. – Л., 1983. – С.5. Встречающиеся в литературе разные написания слов – кыргыз, киргиз, Киргизия, Кыргызстан – вызван несовпадением правил правописания в русском языке (по нормам которого традиционно пишется киргиз, Киргизия) и в кыргызском языке (где конституционно закреплено написание кыргыз, Кыргызстан) – *Прим. Ред.*

² Манас. Киргизский героический эпос. Книга I. – М., 1984. – с. 295.

Тянь-Шане, Алае и Восточном Туркестане. Как видим, Джакып помнит лишь деяния своего отца и смутно упоминает о времени более древнем. Но в этой смутной памяти тенью проскальзывает бывшее величие народа, когда кыргызы были правителями многих народов. Так в эпосе.

А что же говорят ученые?

И сегодня среди ученых нет единства при ответе на наш основной вопрос. Пока проблема сводится к трем основным гипотезам:

- кыргызская народность автохтонна, то есть с древнейших времен обитала на современной территории (Тянь-Шань, Памиро-Алай, Иссык-Куль);
- кыргызская народность появилась на Тянь-Шане в результате переселения со своей прародины, с берегов Енисея и Алтая;
- кыргызская народность образовалась на Тянь-Шане в результате консолидации автохтонных (местных) и миграционных (пришлых) из Центральной Азии компонентов.

Последняя гипотеза получила наибольшее одобрение современной науки. Фундаментальное академическое издание истории Кыргызстана заключает: «...Кыргызская народность сложилась на базе автохтонных племен и племенных объединений, которые ассимилировались с племенами центральноазиатского происхождения. Ранняя этническая история Кыргызстана связана с древнейшими племенными союзами саков, усуней, гуннов. В эпоху тюркских каганатов и последующих кочевых объединений племена, вошедшие в дальнейшем в состав кыргызской народности, формировались в среде тюркоязычного населения Тянь-Шаня и Саяно-Алтая. Часть племен северного Алтая и Прииртышья, носивших с IX в. название кыргызов, передвинулась после монгольского нашествия на Тянь-Шань, где слилась с местным населением. Этот процесс завершился к XVI в. образованием кыргызской народности»³.

---

³ История Киргизской ССР в 5 т. – Т.1. С древнейших времен до середины XIX в – Фрунзе, 1981 – С 441.

Итак, в основе истории кыргызов и Кыргызстана два источника: автохтонные тянь-шаньские корни и енисейский пласт. Первые следы человеческой деятельности на территории Кыргызского Тянь-Шаня в виде орудий труда из камня имеют дату 300 тыс. лет и относятся к нижнему (или раннему) палеолиту. Самые древние каменные орудия предка человека обнаружены в Центральном Тянь-Шане (на р. Он-Арча), на Иссык-Куле (Боз-Бармак, Саламат-Кулак), в Ферганской долине. Из глубин десятитысячелетней древности дошли до нас не только каменные орудия и оружие, но и изделия из кости, даже сюжетные рисунки. Наскальная галерея Саймалы-Таш на трехтысячечетровой высоте над уровнем моря хранит сотни тысяч изображений охоты и пахоты, ритуальных танцев и жертвоприношений. На своде высокогорной пещеры Ак-Чункур на Сарыджазском плато в горах Тянь-Шаня сохранились нанесенные пальцем первобытного художника рисунки охрой животных и человека, даже небольшие сюжетные сценки. В период эпохи бронзы три тысячи лет тому назад на склоне горы Сулайман-Таш возникло ошское поселение, от которого сохранилось несколько раскопанных кыргызскими археологами землянок.

В первом тысячелетии до н.э. на основе племен эпохи бронзы выросла новая этническая общность – саки. На территории Тянь-Шаня в VI – V вв. до н.э. обитало две крупных конфедерации племен: саки-тиграхауда (в персидских источниках), они же саки-ортокарабантии (в древнегреческих) и саки-хаума-варга (в персидских), они же саки-амюргии (в древнегреческих). Среднеазиатские саки в упорной борьбе успешно отразили в 530 г. до н.э. посягательства основателя династии Ахеменидов персидского владыки Кира II, который был разбит войсками сакской царицы Томирис и сам погиб в битве. Это была первая в истории народов Центральной Азии женщина, поразившая мир своей государственной мудростью. Однако позже саки были подчинены его наследникам, в частности, Дарием I Гистаспом в 519-518 гг. до н.э. Позже саки участвовали в составе персидских войск в борьбе с греками, в IV в. до н.э. им пришлось отражать натиск греко-македонских завоевателей. Александр

Македонский непосредственно до Тянь-Шаня не дошел, но у его отрогов основал очередную пограничную Александрию – Эсхата (букв. «Крайняя») на берегу Яксарта (Сырдарья). Но влияние греко-македонской культуры коснулось и племен тянь-шаньских саков. В многочисленных курганах этого времени, раскопанных археологами в Кетмень-Тюбе, на Алае, в Прииссыккулье, встречаются наряду с традиционным набором сакского оружия и утвари, выполненных так называемым «скифо-сибирским звериным стилем», также украшения, явно несущие дух эллинизма.

Во II в. до н.э. тянь-шаньские саки были разбиты другим мощным кочевым союзом – юэчжами (тохарами), которых вытеснили из Восточного Туркестана воинствующие гунны. Затем часть тянь-шаньских саков подчинили племена усуней, именуемых в китайских хрониках «Усунь го» («государство усуней»). Ставкой усуней стал город Чигу, или Чигучэн (букв. «город Красной долины»). Последние археологические работы, проведенные нами как на побережье оз. Иссык-Куль, так и под водой, позволили высказать гипотезу, что Чигу находился на южном берегу Тюпского залива озера и сейчас частично еще остается под водой. Усуни занимались преимущественно скотоводством, но также и земледелием, имели оседлые поселения⁴.

Начиная со второй половины II в. до н.э. усуней были втянуты в сферу большой политики империи Хань, перед которой тогда стояло две важнейших задачи – покончить с извечным врагом – гуннами и установить контроль над Великим Шелковым путем вплоть до греко-бактрийских владений. Ключ для решения этих задач находился в руках усуней. Поэтому в 109 г. до н.э. император Уди направил к усуням посольство с богатыми дарами и выдал за кунбага одну из китайских принцесс. В составе посольства был и китайский дипломат Чжан Цянь, оставивший описание жизни и быта усуней и стоявший у истоков открытия Великого Шелкового пути через Тянь-Шань.

---

⁴ Мокрынин В.П., Плоских В.М. Иссык-Куль: Затонувшие города. – Фрунзе. 1988. с. 90-91.

Находки золотых ювелирных изделий в кургане Шамси, что в Чуйской долины, свидетельствуют о симбиозе культур многих народов, веками сменявших друг друга на Тянь-Шане. Потомки саков, гуннов, усуней и других древних кочевников, как и ранних древнетюркских племен, позже вошли в состав кыргызской народности. Но этот процесс проходил параллельно с развитием кыргызской государственности в Центральной Азии и верховьях Енисея.

Три тысячи лет степи и горы Евразии населяли кочевые племена. За этот период они создали свой хозяйственно-культурный тип. Его сущность не меняли модификации, а инновациям подвергались лишь второстепенные признаки. Хозяйственно-культурному типу соответствовала и общественно-политическая организация общества, пронизанная строжайшей иерархией. Положение человека в обществе, его место во властных структурах определяли не только его личные качества, но, главным образом, происхождение. Властные структуры базировались на традициях подчинения и соподчинения по принципу «младший-старший».

Хорошо известно, что самое первое упоминание о кыргызах встречается в китайских исторических сочинениях и относится к 209-201 гг. до н. э., в знаменитых «Исторических записках» («Шанзы») «отца» китайской истории Сыма Цяня, еще до нашей эры, впервые опубликованных на русском языке, в первой половине XIX в. великим русским синологом Н.Я. Бичуриным. По этим сведениям, именно в III в. до н.э., мощное государство гуннов во главе с Маодунем (или Модэ, известным в тюркском мире под именем Огуз-хан) покорило на севере несколько владений, в том числе – страну и народ Гэгунь,⁵ а термин гэгунь употреблялся для передачи «слова кыргыз»⁶. Поэтому академик В.В.Бартольд и записал: «Как сами китайцы, так и евро-

---

⁵ Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах обитавших в Средней Азии в древние времена. т.I М-Л., 1950. с.50.

⁶ Бартольд В.В. *Киргизы*. Исторический очерк. // Соч., т.II, ч. 1, Л.1963. С. 475. См. также: Яхонтов С.Е. Этноним «кыргыз» в китайских источниках. // Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемалары. Бишкек. – 2001. С. 3.

пейские ученые сближают эту транскрипцию с другими, употреблявшимися для передачи слова *кыргыз*, так что известие о событиях 201 г. до н.э. должно быть признано первым по времени, известием о киргизах».⁷

Русский ученый Н.А. Аристов еще в 1893 г. закончил свой знаменитый труд об усунях и кыргызах, где прямо пишет: «древнейшее упоминание о кыргызах и их стране относится к 209-201 гг. до Р.Х, когда в числе северных владений, покоренных шаньюнем хуннов Модэ, названо Гэгунь наряду с Динлином».⁸ Рукопись более ста лет пролежала в архиве РГА Санкт-Петербурга и только в 2001 г. – была опубликована в Кыргызстане.

Прошедшая в августе 2001 г. международная конференция ученых-специалистов России, Турции, Китая и других стран, посвященная 2200-летию этнонима кыргыз пришла к заключению, что при устойчивости этнонима «кыргыз» этнос, который носил этот этноним в качестве самоназвания, находился в постоянном развитии в непрерывном обновлении в результате сложных этнополитических процессов, протекавших в южной Сибири и Центральной Азии в течение двух с лишним тысячелетий.

В течение двух с лишним тысяч лет развивался, трансформировался этнос. Соответственно трансформировалась и государственность кыргызского народа, прошедшая несколько этапов своего развития. Детальное исследование этого сложного и длительного процесса – дело историков. И наши ученые уже серьезно продвинулись в разрешении проблемы истории кыргызской национальной государственности, хотя многое еще остается неясным и дискуссионным.

Где находилось это первое кыргызское государство – в Монголии, в верховьях Енисея или на восточном Тянь-Шане, ученые все еще дискутируют.

Академик В. Бартольд склонен был расположить его около озера Кыргыз-Нур в западной Монголии. Современ-

---

⁷ Бартольд В.В. Указ. соч., с.475

⁸ Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы. Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. – Бишкек. – 2001. С.143.

ные подсчеты, сделанные синологом Л.А. Боровковой, привели к неожиданным результатам: «Владение Кыргыз» в III в. до н. э., находилось не где-то на просторах Центральной Азии, а рядом с границей Кыргызской Республики – в Восточном Туркестане».

Не обнаружено пока никаких сведений, кто и когда стоял во главе кыргызского владения в III-II в. до н. э. Но несомненно одно: это было государство – временами входившее в состав гуннской империи, а временами независимое от нее.

Стоит упомянуть и известное также по китайским источникам *Кыргызское государство Ли Лина и его наследников (I в. до н. э.)*

Гунны, подчинив себе «Владение Кыргыз», видимо, со временем устранили коренную кыргызскую династию. В 99 г. до н. э. шаньюй гуннов назначил главой кыргызского владения, плененного китайского полководца Ли Лина. Ли Лин основал новую царскую династию кыргызов, правившую, по некоторым сведениям, несколько веков.

Следующий этап истории государство енисейских кыргызов – VI-VIII вв. н. э. – уже более полно освещено источниками.

Древнетюркская генеалогическая легенда, фиксирующая события III-IV вв. н. э., отмечает, что один из потомков волчицы по имени Кыргыз (Цигу – в китайских источниках) переселился с Алтая в Минусинскую котловину, где царствовал между реками Абакан и Енисей. Письменные и археологические источники подтверждают возрождение кыргызской государственности в середине первого тысячелетия новой эры.

Поэтому мы вправе говорить, что кыргызы стояли у самых истоков общетюркской государственности. Этот важный факт – несомненная историческая заслуга кыргызов, как одного из самых древних носителей государственной идеи среди всех ныне здравствующих народов тюркского корня.

Во главе государства, которое называлось Кыргыз, в VI-VII вв., был правитель с титулом ажо, позже – каган. Ставка ажо была хорошо укреплена. Государство Кыргыз име-

ло сравнительно развитую административную систему, располагало значительными по тем временам вооруженными силами -80 тысяч строевого войска.

Новое прочтение старых рунических текстов известным Санкт-Петербургским тюркологом С.Г. Кляшторным позволило назвать одного из замечательных правителей государства енисейских кыргызов конца VII -нач. VIII в. Это – ***Кыргызский каган Барс-бег.***

Он был выдающимся политическим деятелем своего времени. Кстати это пока первое имя кыргыза, которое донесла до наших дней история. Барс-бег происходил из древней правящей кыргызской династии. Род его, как считалось, находился под особым покровительством богини Умай-эне, а родственники носили титул – Умай-бег. Не исключено, что ажо помимо светских обладал и жреческими функциями.

В конце VII в. Барс-бег, ощутив силу своего народа, совершил важный политический акт: принял титул кагана с тронным именем Ынанчу Алп Бильге.

Он погиб в борьбе с соседним тюркским каганатом в 711 г. Соплеменники в честь Барс-бега воздвигли каменную стелу, где кыргызскими руническими письменами запечатали кошок (плач) на смерть кагана.

Его идея о гегемонии кыргызов в Центральной Азии была осуществлена позже – в период так называемого ***Кыргызского великодержавия (IX-XIII вв.)***.

Енисейские кыргызы двигались к возвышению своей государственности постепенно, но настойчиво. В IX в. шла упорная борьба с другим соседним государством – Уйгурским каганатом.

В 820 г. уйгуры направили на Енисей войска. Война велась с переменным успехом в течение 20 лет. В сражениях кыргызы стали одерживать верх.

Военные неудачи обострили борьбу внутри уйгурского, каганата. Тогда один из мятежных уйгурских вельмож призвал на помощь кыргызов. Кыргызский каган бросил под стены уйгурской столицы Орду-Балык стотысячную армию. В 842 г. уйгурские войска были разгромлены, сожжена ставка кагана, который погиб в бою.

На развалинах завоеванного каганата образовалась великая держава кыргызов. С.Г. Кляшторным была открыта в северо-западной Монголии и прочтена наскальная надпись, принадлежавшая кыргызскому полководцу этого периода Тёпек Алп Солу. Алп Сол несколько раз упоминается также в синхронных китайских документах, содержащих отчет о событиях в Центральной Азии в 842 г. Именно Алп Сол руководил кыргызскими отрядами, вторгшимися в китайскую провинцию Ганьсу и совершившими поход в Восточное Притяньшанье. Он же в 843 г. возглавил кыргызское посольство к императорскому двору в столицу Китая, и, заключив мир, возвратился с богатыми дарами.

Имена других правителей и владетелей кыргызских государств той далекой эпохи пока еще не выявлены в исторических источниках. Но они, несомненно, есть.

Кыргызское великодержавие не было продолжительным. В X в. из завоеванных земель кыргызы удерживали только Алтай и Джунгарию, как плацдарм для контроля над богатыми оазисами Восточного Туркестана. Затем Кыргызское государство разделилось на несколько владений. В 1293 г. по приказу монгольского императора Хубилая войска вторглись в Минусинскую котловину и разгромили кыргызское ополчение. Правящая элита кыргызов была уничтожена, государство енисейских кыргызов ликвидировано окончательно, а сами они растворились в составе иных тюркских племен.

Были ли в дальнейшем попытки восстановления кыргызской государственности?

Мы знаем, что в середине XIX в. такую попытку предпринимал визирь Кокандского ханства правитель Алая – *Алымбек-датха*. Но был убит по приказу хана.

На белом войлоке подняли и объявили кыргызским ханом *верховного сарыбагышского манана* – Ормон-хана. Но его не признали другие правители родов и племен и государство возродить не удалось. Но так ли уж была утопична идея возрождения кыргызской государственности в новое время?

Вот один – малоизвестный факт: в 1909 г. в Германии публикуется книга профессора Мартина Гартмана о Тур-

кестане. И он высказывает гипотезу (не столь уж фантастическую по его собственным словам) о возможности создания самостоятельного кыргызского государства на российско-китайской границе. Он, в частности, пишет: появившись среди кыргызов смелый вождь, он сумел бы создать – цитирую: «образование самостоятельного Кыргызстана, т. е. объединения русских и китайских кыргызов в одно государство».

И – далее – цитата из книги: «Образуется ли на границе Востока и Запада Азии самостоятельный Кыргызстан или нет, но, безусловно, граница России и Китая является важным звеном цепи, которая будет в недалеком будущем протянута через весь материк».

И мы свидетели – это произошло в XX в.

ПЕРВОЕ КЫРГЫЗСКОЕ

ПОСОЛЬСТВО В РОССИЮ

Что было известно в России о кыргызах

С 1718 по 1725 гг. посол Петра I в Бухаре Флорио Беневени регулярно посылал в Санкт-Петербург «циферные реляции» и первым сообщил о тянь-шаньских кыргызах, «отличных» от казахов.¹ В 1722-1724 гг. в Чуйской долине и на Иссык-Куле побывал в качестве посла к Джунгарскому правителю капитан от артиллерии Иван Унковский. Он сообщал, что бурутов – так называли кыргызов джунгары – насчитывается около 5000 «кибиток», а «войска их около 3000 доброго собраться может».² Его посольством был составлен и первый «чертеж» озера Иссык-Куль («Тускель»). Затем в 1749 г. оренбургский ученый П.И. Рычков по опросам приезжих купцов записал сведения о кыргызах, которых он называл по месту обитания «алатай-кыргызами».³ И посол, и ученый отмечали воинственность северных кыргызов и их неустанную борьбу с джунгарскими завоевателями.

---

¹ Плоских В. У истоков дружбы. Фрунзе, «Кыргызстан», 1972. – С.5.

² Посольство к Зюнгарскому хун-тайчжи Цеван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722-1724 годы. Док., изданные с предисл. И примеч. Н.И. Веселовского. // Зап. РГО по отд. этногр., т.Х, вып. 2. СПб, 1887. – С. 193.

³ См. Шейман Л.А. Русский ученый XVIII в. о кыргызах. // «Литературный Кыргызстан», 1959, № 2. – С. 122-126.

В начале 80-х годов XVIII в. через Фергану и Алай прошел «странник поневоле» Филипп Ефремов. Он первым сообщил сведения о южных кыргызах. Кто же он, этот невольный путешественник? Унтер-офицер российской армии. Служил в оренбургской степи, сражался с повстанцами Пугачева, попал в плен к казахам, которые продали его правителю Бухары аталыку Данияр-беку. Тот назначил пленного раба юзбаши (сотником) своей гвардии, где каждый пятый из воинов был русским. Его принуждали принять мусульманство, пытали, но в конце концов ограничились тем, что взяли слово верно служить новому правителю. Однако, мысль о возвращении на родину не покидала Ефремова. И он воспользовался первым же случаем, чтобы бежать. Прямо в Россию бежать было опасно, и он выбрал другой путь – через соседнее Кокандское ханство (враждовавшее с Бухарой), через кыргызские горы и Гималаи – в Индию, откуда на пароходе прибыл в Англию, и уже через российского посла добрался до Санкт-Петербурга.

В течение почти десятилетнего странствования (1774-1782 гг.) Ефремов познал языки местных народов, обычаи и по возвращении на родину написал книгу, которая была издана в 1786 г. под пространном названием «Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим». Книгой сразу стали зачитываться русские образованные люди, ее трижды издавали при жизни автора. Была она и в библиотеке А.С. Пушкина. Через эту книгу в России познакомились и с неведомым для большинства россиян народом – кыргызами. Подчеркивая отличие кыргызов от казахов, путешественник дает точное фонетическое произношение этого народа: «кыргыз», а известные в России «киргиз-кайсаки» – это казахи.

В Оше Ф. Ефремов поднимался на священную для мусульман Сулейман-гору, на Алае познакомился с жизнью и бытом горного народа. В книге он записал: «Кыргызы обитают не в самой Бухарии, а близ оной, между городами Уш (т.е. Ош – *Авт.*) и Кашгарией, в горах и равнинах небольшими количествами».⁴ Путешественник подчеркнул, что

кыргызы – народ независимый и Коканд лишь «смежен с землею кыргызов», т.е. лишь граничит с кыргызами. У них есть свои князьки, они часто бывают в Коканде, куда пригоняют на торг овец, быков и верблюдов.

В предисловии к своей книге Филипп Ефремов написал: «Не хвастовство тем, что претерпел я разные бедствия, неже безрассудное желание прославить себя описанием испытанных многостранных случаев побуждает меня представить краткое начертание своего похождения, но единственно то, что земли... малознаемы единоземцами моими и другими европейцами. Читая древнюю и новую историю, не обретаем почти ничего, относящегося до народов, обитающих между Китаем, Индией, Персией, Бухарией и Хивой».

После путешествий И. Унковского и Ф. Ефремова в России узнали и местоположение кыргызов, и путь к ним. Поэтому отнюдь не случайно уже в мае 1784 г. российская императрица Екатерина II рекомендовала генерал-губернатору Уфимскому и Симбирскому: «... весьма нужно, чтобы вы имели при себе... депутатов от орд кыргызских, в том числе одного из султанов, через коих могли бы вы ... получать от их начальников известия, ваши советы и предписания через них сообщать... заведя там знакомства и всевозможные связи, дабы всегда знать все тамошние происшествия».⁵ Конечно, речь в первую очередь шла о казахах, но России уже требовались сведения и о Кыргызстане.

Что знали кыргызы о России?

Еще совсем недавно ученые не могли ответить на этот вопрос. Сами кыргызы книг в то время не имели и летописей не вели. Российские архивы тоже молчали. Но интенсивные

---

⁴ Странствование Филиппа Ефремова в Киргизской степи, Бухарии, Хиве, Персии, Тибете и Индии и возвращение его оттуда через Англию. (Второе издание). В соавторстве, по редакцией и от лица магистра исторических наук Петра Кондырева. – Казань, 1811. – С.73.

⁵ Цит. по: *Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В.* Из истории кыргызско-российских отношений (XVIII-XX вв.). – Бишкек, «Илим», 2001. – С.21

поиски новых документов позволили сделать небольшое открытие. Оказывается, еще в 1757 г. первая группа тьяншаньских кыргызов в 200 человек переселилась с остатками калмыков (джунгар), разбитых китайцами, в Сибирь, поближе к русским крепостям и приняла здесь российское подданство. Затем они прошли еще далее на запад и расселились в Поволжье. Среди поселенцев был и будущий первый официальный посол от кыргызов в Россию Абдурахман Кучаков, или, как его еще именовали – Карыганбай Алкучаков.

Расселившись среди поволжских калмыков, кыргызы, естественно, познакомились с хозяйством и образом жизни русских, с управлением и податной системой в России, на себе познали тяготы власти астраханского губернатора Бекетова, при котором попали почти в рабское положение. Кыргызы даже обращались к Екатерине II с жалобой, в которой изложили перипетии их нелегкой судьбы.

Приведем фрагмент из этого письма «заявителей» Галдаке Берди уулу, Мышик Галдаке уулу, Бакты Кудайгул уулу и др. от 10 декабря 1775 г.

«...Вашего Императорского Величества мы, всеподданнейшие рабы закона магометанского, природою киргизцы и предки наши сначала жительство имели в городах, называемых Инжия и Аксуве, а оттуда перешли добровольно к зенгорскому хану, находились у него птичьими охотниками, а потом были в ведомстве китайского хана, но по причине бывшего тогда тамо замешательства напоследок перешли уже жить в Россию, где по указам предков Вашего Императорского Величества состояли мы под ведомством калмыцкого хана Дондук Даши и сына его заместника ханства Убаши, по самый побег калмыцкого народа за границу, а по побеге оного, оставаясь с прочими трухменскими татарами при Астрахани, служили Вашему Императорскому Величеству и никто нами не владел...»⁶

Далее события разворачивались следующим образом. Кыргызов и оставшихся калмыков переподчинили астраханскому губернатору Бекетову. В результате, писали кыргызы Екатерине II, «тому уже четвертый год наше

---

⁶ Кыргызстан-Россия (XVIII-XIX вв.) Сборник документов и материалов. Отв. ред. В.М. Плоских. – Б., «Илим», 1998. – 45-46.

положение осложнилось, и мы пришли в нижайшее разорение, поскольку Бекетов насильно нас заставляет работать наряду со своими рабами».

Представители кыргызского народа наивно искали защиту у императрицы. Не дождавшись облегчения, некоторые попытались вернуться на родину. Во всяком случае, Абдрахману Кучакову, у которого в России родился сын Сатыбай, это удалось, чем вскоре воспользовался верховный бий сарыбагышского племени Атаке – батыр, снаряжая свое посольство в Санкт – Петербург ко двору Екатерины.

Что мы еще знаем об Абдрахмане Кучакове? Вернувшись из астраханской губернии на родину, он торговал в Ташкенте (был известен как «ташкентский купец»), затем поступил на службу к Атаке-батыру вожатым торговых караванов.

Первое посольство кыргызов в Россию

...В аил Атаке-батыра с утра начали съезжаться гости. Сначала ближние: младшие бии – главы родов сарыбагышей, убеленные сединами аксакалы, почитаемые за ум и опыт; батыры – выдающиеся джигиты, прославившиеся при защите своих кочевий или при нападении на чужие в лихой барытме. Потом, звеня богатыми уздечками, в окружении свиты и советников, личных дружин в Чуйскую долину стали один за другим прибывать вожди других племен. И недаром – предстояло решить жизненно важный вопрос: как быть в окружении мощных врагов и враждебных государств? Бии ехали, погруженные в нелегкие думы. А хозяин-инициатор готовился с почетом встретить дорогих гостей.

Если мысленно представить себе Среднюю Азию второй половины XVIII столетия, что же мы увидим?

Раздробленные межфеодальными усобицами кыргызские племена, только что освободившиеся от жестокого ига Джунгарского ханства, вдруг оказались перед лицом новой угрозы двух воинственных государств. Цинская империя, завоевавшая Восточный Туркестан и создавшая на его территории новое свое наместничество Синьцзян, посылала на территорию Кыргызстана разведочные отряды. Быстро

возникшее в Фергане и вскоре усилившееся Кокандское ханство уже завоевало исконно кыргызские земли Оша и Узгена, направило войска на Алай и готовилось поглотить весь Кыргызстан. Не было мира и с соседними, казалось бы родственными казахами. Сами погрязшие в междоусобных распрях, они не прочь были поживиться за счет ослабленных соседей – кыргызов. И здесь надо было держать ухо востро, а ноги – постоянно в стремени.

Как в таком окружении выжить? Как отстоять свободу? И мудрый Атаке-батыр, неоднократно разбивавший отряды джунгар, предложил обратиться к России. Государство большое – от моря до моря, с ним не станет тягаться и Китай, не говоря уже о Коканде. С другой стороны – государство далеко и прямой опасности для свободы кыргызов не представляет. Если принять его подданство и получить заверение в поддержке, можно не опасаться и войска соседей.⁷

Так примерно рассуждал бий Атаке, готовя первое посольство кыргызов в Россию. От тех далеких времен сохранились подлинные документы, отложившиеся в архивах, и – самое важное – два оригинальных письма от кыргызов: одно – сибирским властям, другое – Екатерине II.

В письме на имя сибирского генерал-губернатора, датированном 23 августа 1785 г., говорилось: «Управляющему в делах Ея Императорскаго Величества господину генералу от происшедшаго родом (из) славных и чиновных людей, бывших при древних царях Соломоне и Александре Македонском, а ныне по колену рода своего управляющим народом диких киргисцов Атики – батыря Тянейбиева сына свидетельствую поклон и, посылая с моими людьми Абдрахманом и Шергазой двух вам лошадей, прошу сию первую мою услугу благосклонно принять, а о будущих не премину старатца оказывать оныя, штоб Вы уверительно их знать могли...».⁸

---

⁷ Аман Газиев. Впервые в Россию. // В кн.: Аман Газиев. На берегах Яксарта. Историческая повесть и рассказы. – Фрунзе, «Кыргызстан», 1990. – С. 308-312.

⁸ Кыргызстан – Россия (XVIII-XIX вв.). Сборник документов и материалов. Отв ред. В.М. Плоских. – Бишкек, «Илим», 1998. – С. 54-55.

Как видим, Атаке, дабы не ударить в грязь лицом перед российской императрицей, напоминает о более чем двухтысячелетней истории кыргызов, а свое происхождение возводит ни много, ни мало как непосредственно от придворных мифического Соломона и легендарного Александра Македонского! Не будем судить строго. С пониманием отнесемся к честолюбию тянь-шаньского князя, пожелавшего древностью рода превзойти далекую царицу, тем более женщину.

Так кто же такой был бий Атаке согласно историческим источникам? Что же можем сегодня сказать о нем как о исторической личности, первом из кыргызов установившим дипломатические связи с Россией и просившем покровительства для своего народа еще в XVIII столетии?

По генеалогическим преданиям кыргызов, Атаке был сыном Тыная от старшей его жены и прославился среди кыргызов, казахов, кыпчаков и других среднеазиатских народов своей удалью в набегах, борьбой с джунгарами, за что и имел почетное звание – батыр (герой).

Как отважный воин и мудрый родоправитель сохранился в памяти народной Атаке-бий. Он и в сибирской истории отмечен вниманием. Упомянув о посольстве кыргызов в Санкт-Петербург, известный в начале XIX столетия историк Сибири А.А.Словцов называет Атаке-бия «главным родоначальником» кыргызов.

Итак, решение было принято. Бий Атаке от имени кыргызского народа отправлял в Россию свое первое посольство.

Исторический выбор сделан!

Послом ехал многоопытный соплеменник Абдрахман Кучаков, бывший российско – подданный, ставший позже «ташкентским купцом», доверенное лицо Атаке – батыра. С ним отправлялся Шергазы, зарекомендовавший себя, несмотря на молодость, рассудительным человеком. Посланники везли подарки: сибирским правителям двух коней, русской царице Екатерине 3 барсовых и 5 рысских выделанных шкур да диковинного раба – арапа в придачу.⁹

---

⁹ Кыргызстан – Россия (XVIII-XIX вв.). Сборник документов и материалов. Отв ред. В.М. Плоских. – Бишкек, «Илим», 1998. – С. 55.

...Больше месяца двигалось посольство неуклонно на север, а затем по бескрайним просторам, уже в сопровождении адъютанта Сибирского драгунского полка поручика Ивана Сипайлова – к сердцу России. В Петербург прибыли глубокой зимой. Стали ждать правительственной аудиенции.

Россия в конце XVIII в. чувствовала себя на международной арене весьма уверенно. Успех русского оружия на полях сражений утвердил за ней славу сильнейшей державы мира. У всех на устах были имена Румянцева, Суворова, Потемкина. Россия наконец-то получила долгожданный выход к Черному морю, присоединила Крым. Послы европейских держав при дворе Екатерины «отталкивали друг друга локтями», добиваясь приема.

Прием у Екатерины II

Дождались своей очереди и кыргызские депутаты. При дворе тщательно изучили положение кыргызов, и какую выгоду может извлечь из связей с ними Россия. И только после этого стареющая Императрица распорядилась:

- Прием их полагаю не только не излишним, но делом полезным, тем паче, что посредством таковой присылки сии чиновные отдаленных орд могут ближе с нами познакомиться и будут оказывать готовность к доброй воле и тем услугам, в которых заинтересована Россия...

Императрица приняла послов благосклонно в присутствии представителей европейских стран. Поблагодарила за подарки. Внимательно выслушала своего советника по внешней политике князя А.А.Безбородко, который тут же зачитал письмо от Атаке-батыра.

В зале Зимнего дворца прозвучало послание с далекого Тянь-Шаня. После перечисления пышных титулов императрицы следовало: «А наконец Вашему Императорскому Величеству Всемиловивейшей Государыне всеподданнейше доношу, што как вышеописанных предков моих оказываемых державе Вашего величества услуги, поколику сил

их было, и так же ныне и мои, Атике Тяней биева сына (примите услуги) посредством препровождения в Россию купчески Таш(кентскому) каравану».

И придворный особо отделил слова о подарках для Екатерины. «Дабы известно было, что для Вашего Императорского Величества, – продолжал Безбородко читать послание Атаке, – послал я при караване одного арапа, три барсовые кожи и пять рысых, а в препровождение их двух человек – моих людей: Абдрахмана и Шергазю, чрез коих всеусерднейше желаю знать о Высочайшем здравии Вашего Императорского Величества».¹⁰

Екатерина, выслушав послание бия Атаке, милостиво распорядилась отдарить его 800 рублями серебром и пожаловала посланников: «сотенной» – Абдрахмана Кучакова и «четвертной» – Шергазы. Это были немалые суммы для того времени.

Доверенное лицо Екатерины, член Совета при Высочайшем дворе князь Вяземский 23 января 1787 г. от имени Императрицы отписал бию письмо, где сообщал, что предложения его о дружбе принимаются и просил «вспомоществования в расширении российской торговли».

«...почтенный Этеке Багадур, – говорилось в письме: – ...Нимало Вы не сумлеваясь, твердо по сему оному заключить можете о высочайшем Ея Величества благоволении и покровительстве к Вам и подвластному Вам народу, в чем удостоверяя Вас по высочайшей воле Ея Величества уповаю, что Вы, сохраняя Ваше усердие и преданность к священнейшему престолу... почтитесь всемерно доказать оныя при всяком полезном для службы Ея Величеству случае не единими словами, но и самим делом, и сим учинить себя с тем подвластным Вам народом достойными и впредь ... Ея Величества милосердия».¹¹

Письмо с нарочным гонцом спешно отправили в кочевья кыргызского владыки. Дело было сделано. Послы могли возвращаться домой. Но...

---

¹⁰ Кыргызстан – Россия (XVIII-XIX вв.). Сборник документов и материалов. Отв ред. В.М. Плоских. – Бишкек, «Илим», 1998. – С. 55.

¹¹ Там же. – С. 66.

Абдрахман все чаще стал прихварывать, что затянуло отъезд в родные кочевья. Он так и не увидел милой сердцу Чуйской долины. Уже находясь на сибирской линии, первый кыргызский посол в Россию умер в возрасте около 50 лет прямо в мечети 20 июня 1789 г. Встречавший его сын Сатынбай и Шергазы перевезли тело посла в родной аил и с почестями захоронили.¹²

Так завершилась миссия первого посольства кыргызов Тянь-Шаня в Россию. Кыргызы официально еще не были приняты в подданство, но получили заверения в поддержке. Был сделан только первый шаг навстречу друг другу. Впереди предстояли долгие годы ожидания и борьбы, надежды и отчаяния.

---

¹² Воробаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории кыргызско-российских отношений... – С. 26.

ОБМЕН КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИМИ ПОСОЛЬСТВАМИ

В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

Первая половина XIX столетия явилась напряженной в военно-политическом отношении как для России, так и для кыргызских племен Тянь-Шаня. Войны в Европе, победа над Наполеоном отвлекли на время интересы России от восточной политики. Разгром китайцами Джунгарского ханства позволил кыргызам вдохнуть ветер свободы и вернуться на былые свои кочевья Тянь-Шаня. Но набеги китайских отрядов, агрессивные походы возвышающегося Кокандского ханства при внутренних родо-племенных раздорах кыргызских баев вновь поставили под угрозу независимость кыргызских вождей – предводителей племен. Они стали обращаться с посланиями к российским властям Сибири за помощью. А последние, почувствовав большую независимость от центрального правительства, занятого европейской политикой, стали активнее проявлять инициативу в налаживании связей с отдельными кыргызскими племенами. В первую очередь в интересах расширения восточной торговли, открытия новых торговых трактов. И в этой дипломатии и экономической политике Сибири на первый план выступают купцы.

Основное стратегическое направление в этом плане – торговля с Индией и Китаем. Но для этого нужно было освоить пути через Тянь-Шань.

На пути в Индию

Многие факты говорят, что русские и другие представители народов России бывали на Тянь-Шане гораздо раньше, чем принято считать. Еще в самом начале XIX столетия в процессе развития экономических и политических связей России со Средней Азией стали устанавливаться непосредственные политические, торговые и культурные контакты представителей русского, грузинского, армянского, татарского и других народов России с кыргызами, казахами, узбеками, таджиками.

Где-то осенью или в самом конце 1812 года в пограничный сибирский городок Омск с торговым караваном прибывает грузинский дворянин Рафаил Данибегашвили. Начальником Сибирской линии в то время был генерал Г.И. Глазенап, который раньше занимал должность начальника Кавказской линии. Естественно, у уроженца Тбилиси Данибегашвили и прослужившего там несколько лет генерала нашлись общие интересы. Но особенно заинтересовал Глазенапа рассказ грузинского дворянина о странствиях по Индии, Кашмиру, о путешествии из восточных стран через Кашгар, Тянь-Шань и Сибирь.

Рафаил Данибегашвили, дворянин и купец, совершил несколько фантастических путешествий по сказочным странам. Он покинул свою родину по поручению грузинского царя Ираклия II в 1795 году. Его маршрут пролегал через Малую Азию в Индию, где он должен был встретиться с армянским купцом, уже много лет проживавшим в Мадрасе. Дважды после этого Данибегашвили путешествовал по странам Азии, и в 1815 году в Москве издал книгу, в которой упоминает о казахам, кыргызам, калмыкам, встреченных им на пути из Кашгара в Омск.¹³ Исследователи и биографы Данибегашвили считают, что его маршрут пролегал из Кашгара в Яркенд, затем в Аксу и Турфан через Тянь-Шань. Веские доводы для такого заключения имеются и у нас после ознакомления с материалами Омского архива.

---

¹³ Путешествия Рафаила Данибегашвили в Индию, Бирму и другие страны Азии. 1795-1827. – М., 1969. – С. 36-37.

Русское посольство к кыргызам

...Новый начальник Сибирской линии генерал Г.И. Глазенап давно лелеял мечту оставить свой след в истории. Война с Наполеоном закончилась занятием русскими и союзными войсками Парижа. А здесь, из Сибири, лежал кратчайший путь в Китай и Индию. И на этом пути – никому не подвластные кочевые племена казахов и кыргызов. Склонить их на свою сторону мирными средствами, не прибегая к оружию и, следовательно, без дипломатических осложнений для России, и было главной целью ретивого чиновника. На основании противоречивых сведений о восточной торговле, собранных у купцов, Глазенап приходит к выводу о возможности открытия нового тракта в Семиречье и кыргызские горы для торговли с Кашгаром, Кашмиром и Индией. По его инициативе в 1813 г. через казахские степи и кыргызские кочевья в Восточный Туркестан снаряжается большой торговый караван сибирского купца Миркурбана Ниязова.

При караване со специальным заданием склонить местных жителей к содействию России находился губернский секретарь-переводчик А.Л. Бубенов. Именно Алексея Леонтьевича Бубенова можно назвать первым официальным посланцем России в Кыргызстан. Сведений о нем в архивах очень немного. Известно лишь, что в 1813 г. он служил в Сибири губернским секретарем и переводчиком. Посетил Кыргызстан и вышел на границу с Синьцзяном – бывшим Восточным Туркестаном. За описание пути и отличное исполнение поручения ему был пожалован следующий чин и выдано денежное вознаграждение. В 1827 г. Бубенов – уже титулярный советник – везет в кыргызские кочевья письма от сибирских властей и награды иссык-кульским биям. На него возлагается секретная миссия выяснения положения в Синьцзяне в связи с вспыхнувшим там антикитайским восстанием Джангира-ходжи. По успешному выполнению миссии он в 1829 г. избирается заседателем Семипалатинского земского суда. Больше о нем сведений не имеется.¹⁴

---

¹⁴ *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи (1784-1827 гг.). – Фрунзе, «Илим», 1970. – С. 44.

Бубенов имел открытые письма от сибирского генерал-губернатора «ко всем султанам, старшинам и биям кочующих народов по сему новому тракту, коих убеждал к содействию и нечинению обид и грабительств, в особенности же прошены были о сем самые отдаленные киргисцы, называемые дикими или каменными». Караван первого русского официального посланника к кыргызам охранял побывавший здесь ранее (в 1812 г.) сотник Старков с отрядом из 40 казаков и шести урядников.

Бубенов вышел из Семипалатинска 7 сентября 1813 г. и к концу октября подошел к кыргызским кочевьям. Купеческий караван за пределы кочевий Старшего жуза казахов по распоряжению султана Адила Аблайханова сопровождал один из его телохранителей Киммамат. Он же имел к кыргызам письмо от своего султана, который просил их, чтобы они «караван вперед и обратно препровождали и делали возможные пособия».

31 октября караван миновал перевал Санташ и по речке Тюп стал спускаться в Иссык-Кульскую котловину. На его пути встречались бугинские айлы кыргызских биев Шапака, Шералы, Ишима и др. Кыргызы дружелюбно приняли русских. Бубенов вручил им послание сибирских властей. В ответных письмах кыргызские бии сообщили, что «они купечеству не только не будут делать притеснения, но будут оказывать защиту, доброхотство и препровождают до желаемого пункта». Они даже снарядили своих посланников в Россию.

21 ноября Бубенов с кыргызскими посланцами Качыбеком и Джакып-беком выехали обратно с Иссык-Куля на сибирскую пограничную линию. 5 января 1814 г. русский купеческий торговый караван в сопровождении кыргызских послов прибыл в Семипалатинскую крепость. В рапорте, поданном в этот же день генерал-губернатору о результатах поездки, Бубенов писал: «каменных кыргызцев бии Шапак, Шералы и протчия, желая быть навсегда престолу Российскому верноподданными, по письму Вашего Превосходительства и по внушению моему прислали со мною для личного с Вашим превосходительством переговору депутатов своих бия Шералы сына Качыбека, бийского же сына

Джакыпа при двух простых кыргызцах, которые до получения от Вашего Превосходительства резолюции находиться имеют в крепости Семипалатинской».¹⁵

Кыргызские посланцы Качыбек, которому было всего лет двенадцать (так во всяком случае позже писал верховный бугинский манап Боромбай), и Джакып, принятые сибирскими властями, «изустно изъявили желание производить с ними торговлю и готовность быть всепомоществователями к препровождению через их область, которую миновать нельзя, в китайские города Аксу, Кашгарию, Тибет, Яркенд и Кашмир, также настаивали, чтобы их отправить в Санкт-Петербург для принесения государю императору покорности от себя и своего народа».¹⁶

Генерал-губернатор лично принял кыргызских посланцев, по всей вероятности, в Тобольске, где находилось в то время управление Сибирью, заверил в благополучном расположении к кыргызам русского правительства и обещал покровительство.

От посылки депутации, как они просили, в Санкт-Петербург на этот раз воздержались – слишком далеко была российская столица. Посланцев ознакомили с некоторыми пограничными крепостями, показали им барнаульские заводы, «которые желали они из любопытства видеть».

Кыргызские послы возвратились в свои кочевья в чине капитанов Российской империи и с именными саблями. Качыбек был к тому же награжден золотой медалью на алой ленте, а Джакыпбек – бриллиантовым перстнем.¹⁷

Важным этапом в закреплении установившихся отношений русских с казаками и кыргызами явилось путешествие в 1821 г. Омского военно-сиротского отделения смотрительного помощника 14-го класса Лещева по новому торговому тракту. Лещев, как и его предшественники, шел с торговым караваном в сопровождении казачьего отряда. Его записки конкретны и содержат подробные сведения о пройденном маршруте.

---

¹⁵ Гос. архив Омской обл., ф. 6, оп. 1, д. 1, л. 5.

¹⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. Серия 1. Т. VII. М. «Политиздат» 1970. – С. 584-585.

¹⁷ *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольские связи... – С.48.

Любопытна деталь, выясненная в ходе путешествия и переданная Лещевым историку Сибири П.А. Словцову. Лещев писал, что в кочевьях киргизов нашли себе приют беглые из ташкентцев, татар и даже русских, что муллы у них из беглых татар. Язык у киргизов турецко-татарский, и они «свято исполняют» приказы биев.¹⁸

Свидетельства современника всегда интересны для потомков. В данном случае они интересны вдвойне. При общей скудости сообщений о киргизах начала XIX в. они говорят о начале познания русскими еще неизвестного Европе народа.

Миссия Зибберштейна-Нюхалова

Иссык-Кульское посольство способствовало дальнейшему, более тесному контакту между киргизами и Россией. С этого времени в их взаимоотношениях наблюдается определенная преемственность. Развиваются как торговые, так и политические связи.

В 1824 году на Сибирской линии побывала очередная делегация представителей Иссык-Кульских киргизов.

Три бугинских бия – Акымбек Олджобаев, Алгазы Шералин и Алымбек Джапалаков с четырьмя своими «старшинами» представляли в России интересы 50 тыс. своих соплеменников. В Семипалатинске их «надлежащим порядком» встречал начальник округа, а усатый урядник переводил беседу. В его же сопровождении киргизские депутаты в последний день 1824 года выехали в Омск. Генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич в это время отсутствовал, поэтому депутатов принял знаток жизни и быта казахов, сторонник установления добрососедских отношений со среднеазиатскими кочевниками, исполнявший обязанности начальника области Семен Богданович Броневский. Высокообразованный офицер, три десятилетия прослуживший в Сибири, прекрасно понимал, какие выгоды для русской торговли и влияния России в Средней Азии принесет установление дружественных отношений с киргизами. Бронев-

---

¹⁸ Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории киргизско-русских отношений... – С. 31.

скому были вручены написанные на берегах Иссык-Куля письма кыргызских родоправителей, которые просили принять их под покровительство России.

Кыргызские посланцы просили, чтобы их препроводили на аудиенцию к Российскому императору. Но в Петербург послов не направили. Прибывший генерал П.М. Капцевич от имени правительства заверил депутатов в дружеском расположении России к кыргызам. Лично от себя он преподнес каждому по перстню. Всем сшили халаты, одарили сукном, парчой, плисом, ситцем, бархатом. Генерал-губернатор Западной Сибири начал ходатайство о правительственных наградах: трех биев он представил к золотой медали на Александровской ленте, а одного – наиболее почетного и уважаемого в горах бия, отца депутата Джапалакова – к золотой медали на Андреевской ленте и золотой именной сабле с надписью «по-русски и по-татарски».¹⁹

Депутаты остались довольны, но им более всего импонировало, что возвращаться они будут с почетным эскортом казаков под водительством хорунжего Т.Нюхалова и русским ответным посланником, врачом омского гарнизонного полка двадцативосьмилетним Ф. К. Зибберштейном.

На Зибберштейна была возложена задача ведения подробного путевого дневника, сбор сведений о кочевьях и правителях кыргызов.²⁰

И вот он – в кыргызских кочевьях. С ним возвратились послы. Понимая желание депутатов попасть в первую очередь в свой аил, именно у себя первым встретить русских гостей Зибберштейн после совета с хорунжим Нюхаловым, возглавлявшим казаков, решил разделить отряд на две части. Нюхалов с одной из них отправился в аилы бия Шералы, старого русского знакомого. Зибберштейн с другой частью – в аилы бия Олджобая. Под музыку и народные песни, в окружении всадников, отряды с депутатами разъехались по аилам.

Через несколько дней на берегах реки Джергалан, что впадает в Иссык-Куль, был собран кыргызский курултай.

---

¹⁹ Гос.архив Омской обл., ф.3, оп. 1, д. 419, л. 53.

²⁰ Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна: «Исторический архив», 1. М.-Л., 1936.

Он должен был решить: идти в подданство Коканда (ханские послы на Иссык-Куль уже давно ждали такого исхода), либо быть под покровительством России.

После обозрения окрестностей Иссык-Куля Зибберштейн с отрядом казаков в сопровождении бия Джапалака отправился на собрание кыргызских старейшин, на котором обсуждался один вопрос: к кому присоединяться – к русским или кокандцам. Дружба с Россией давала гарантию спокойной жизни, искоренение, наконец, барымты. Но, с другой стороны, кокандцы, как настойчиво внушали муллы, интересы которых были тесно связаны с ханством, – единоверцы, не пристало мусульманам идти под власть кяфиров.

Письма сибирских властей, и особенно эффектный рассказ хорунжего Нюхалова о силе России и той помощи, которую она могла при случае оказать кыргызам, произвели должное впечатление на кыргызских биев. Первыми за союз с Россией выступили влиятельные бии Олджобай и Джапалак. Они «отторгнули всякую мысль о Кохании (Коканде) и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы, увлекли с собою и всех прочих родоначальников, которые во исполнении требований наших, – писал Зибберштейн, – дали подписки и благодарные письма к г. генерал-губернатору Западной Сибири».²¹ Значительная часть иссык-кульских кыргызов решила принять Российское подданство. Исходя из этого, кыргызские бии оформили официальные письма к русскому правительству. И направили в Россию новое очередное посольство.²²

Итак, в целом дипломатическая миссия Зибберштейна-Нюхалова которая возвратилась в Сибирь с новыми кыргызскими представителями – Акылбеком Улджебаевым, Алымбеком Джапалаковым и Алгазы Шералиным с товарищами, прошла успешно. Целая серия кыргызских писем, сохранившихся с этого времени, дневник Зибберштейна, переписка сибирских чиновников с императорским двором по поводу просьбы кыргызов о принятии их в подданство, показывают, что это стремление было настойчивым. Но поскольку для

---

²¹ Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна: «Исторический архив», 1. М.-Л., 1936. С. 248-249.

²² *Плоских В.* Первые киргизско-русские посольства... – С. 72-73.

России мероприятия казались обременительными, то власти, всячески поощряя такие предложения, одаривая послов и родоправителей – биев, пока воздерживались от юридического оформления акта принятия кыргызов в состав России.

Ф.Зибберштейн и Т.Нюхалов за успешно выполненную дипломатическую миссию получили повышение по службе. Не осталась не отмеченной и миссия кыргызских послов. Золотыми медалями на Александровской ленте были награждены Акылбек Улджебаев и Алгазы Шералин, именной саблей и золотой медалью на Андреевской ленте – Алымбек Джапалаков. За особо радушный прием русских дипломатов был награжден золотой медалью на Александровской ленте и Джапалак Кутлин.

* * *

О контактах кыргызов с Россией в следующие два десятилетия (с 1827 по 1848 г.) почти нет сведений в первоисточниках. Здесь какой-то исторический «провал памяти». Но виновата в этом не история, а ученые: просто пока не выявлены соответствующие документы, не введены в научный оборот другие исторические источники.

А о том, что разрыва в отношениях между кыргызами и Россией не было, свидетельствует письмо манапа Боромбая, направленное в 1848 г. западносибирскому генерал-губернатору.²³

Это письмо несет интересную историческую информацию о прошлом. Стремясь обрести могущественного покровителя и избавителя от кровавых феодальных междоусобиц среди самих кыргызов, бугинский манап писал, что все кыргызы якобы уже несколько лет состоят подданными государя, что назад тому 35 лет ездил туда сын Шапака Качыбек. Что после этого ездил сын Джапалака Акымбек. И минуло с тех пор 23 года. Он также получил медаль и саблю. Боромбай просил: если можно, прибыть на Иссык-Куль и воздвигнуть здесь город. У него, мол, в подчинении

---

²³ АВПРИ, ф. СПб. Главный архив. 1-7, оп.6, д. 1, л. 10-11; Воронаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории кыргызско-российских отношений... С. 34.

находится 10 тыс. кибиток племени солто и других кыргызов. Они кочуют, находятся в междоусобной вражде. И что утверждение здесь «российского дивана» (ведомства) привело бы к общему спокойствию.

Не заглох и интерес в России к кыргызам и новому торговому тракту через них в страны Востока – Китай и Индию. В России появляются публикации сведений из дорожников купцов, книги Р.Данибегашвили и Ф.Назарова, переводы Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) из китайских источников о народах Средней Азии, в частности о первом упоминании в 201 г. до н.э. этнонима и государства «*кыргыз*». Большой интерес вызывает серьезная монография А.И.Левшина о «киргиз-кайсацких ордах», одна из глав которой посвящена Тянь-Шаньским кыргызам.²⁴

Благодаря этим публикациям и в ходе сбора материалов о «пугачевском бунте» великий русский поэт А.С. Пушкин знакомится с «кыргызами» – «отличными от киргиз-кайсаков». Восточные мотивы в поэзии А.С. Пушкина, его строки о кыргазах свидетельствуют, что поэт был прекрасно осведомлен о далеких «киргизцах». Именно о них – настоящих кыргазах появилась и строфа в черновом варианте знаменитого «Памятника».

«Слух обо мне пройдет по всей Руси великой,
И назовет меня всяк сущий в ней язык,
И внук славян, и финн, и ныне полудикой
Тунгуз, *Киргизец* и Калмык»

(1836 г.)

Восточные мотивы в творчестве А.С. Пушкина нашли прекрасное отображение в монографии Н.Л.Шеймана и Г.У.Соронкулова, прозвучали в докладах и выступлениях участников международной студенческой конференции, посвященной 200-летию со дня рождения гения русской словесности, которая прошла в Кыргызско-Российском Славянском университете в 1999 г.²⁵

²⁴ Левшин А.И. Описания киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. СПб 1832 (Второе изд. Алматы, 1996).

²⁵ Шейман Л.А., Соронкулов Г.У. Пушкин и его современники: Восток-Запад. – Бишкек, 2000. Гений русской словесности глазами студенческого «Современника». – Бишкек, «Илим», 2000.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ

КЫРГЫЗСТАНА

к России

Принятие северными кыргызами российского подданства

После многолетней переписки, в 1854 г., генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х.Гасфорд по согласованию с управляющим Министерства иностранных дел тайным советником Сенявиным, «во исполнение высочайшего повеления», пригласил кыргызских манапов прислать в Омск своих депутатов, снабженных полномочной доверенностью «для принятия присяги на верноподданство России».²⁶

Бугинцы по инициативе своего верховного манапа Боромбая избрали своим представителем для столь важного поручения манапа Качыбека Шералина. Он приехал в Омск 25 сентября 1854 г. От других приглашенных родоправителей – солто и сарыбагыш – послы не прибыли.

Качыбек был близким родственником бугинского манапа Боромбая, и не раз уже бывал в качестве посла в Омске, имел чин капитана русской армии и был награжден золотой медалью. Он выехал в Россию, имея письменно подтвержденные полномочия принять присягу от имени всех кыргызов племени бугу.

Высоких кыргызских посланников встречали торжественно. В Омске по этому поводу собрался сибирский генералитет во главе с генерал-губернатором Г.Х.Гасфордом, высшие чины главного управления Западной Сибири, для участия в церемонии были приглашены почетнейшие ка-

---

²⁶ См.: Кыргызстан-Россия (XVIII-XIX вв.) Сборник документов и материалов... – С. 172-174.

захские султаны. Есть основание предполагать, что здесь присутствовал и молодой адъютант генерал-губернатора будущий знаменитый казахский ученый Чокан Валиханов.

Процедуру присяги обставили пышно, в восточном духе. 17 января 1855 г. под сводами губернаторского Омского дворца волнующийся Качыбек Шералин, с кораном в руках, приносит присягу на верность России. Присутствующие скрепили присягу подписями, султаны и бии приложили свои печати и родовые тамги. Ее текст в фотокопиях и русский перевод неоднократно публиковались. Только вот нет до сегодняшнего дня квалифицированного научно-го перевода с оригинала на современный кыргызский язык. Приведем выдержки текста по архивному оригиналу:²⁷

«Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода бугу Орды дикокаменных кыргызов, неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему Богу, что род бугу Всепресветлейшему Державнейшему Великому Государю Императору Николаю Павловичу Самодержцу Всероссийскому хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без высочайшего Его Императорского Величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать... и никаким образом противу верных подданных Его Императорского Величества не поступать. Силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить».

Так был совершен акт большого политического значения. Положено начало принятию кыргызского народа в российское подданство. Верховный манап бугинского рода Боромбай символически возводится в полковники русской армии. Ему будут направлены богатые подарки. Не забудут одарить и посланцев: Качыбек и его бии остались довольны.

В 1862 г. чуйские кыргызы племени солто во главе с манапом Байтыком восстают против кокандцев, осаждают их крепость Пишпек, и с помощью русских войск изгоняют кокандцев, принимая российское подданство. Присяга

---

²⁷ АВПРИ, ф. СПб, Главный архив. 1-7, оп. 6, д. 1, л. 67-68.

рода черик на подданство России почти копировала присягу бугинцев. И принимали ее также в Омске 13 октября 1863 г. в присутствии высоких чиновных лиц Сибири, которые подписали присягу вместе с кыргызскими биями.²⁸

Однако было бы неверным утверждать, что все население Северного Кыргызстана изъявило желание добровольно принять подданство России. Некоторые манапы проявляли нерешительность, непоследовательность в отношениях с Россией. Так, в июле 1863 г. тьянь-шаньский манап Осмон Тайлаков (сын Тайлак-батыра) открыто выступил против России. Со своими джигитами он напал на небольшой царский отряд под началом майора Г.Загряжского и держал его в осаде всю ночь. На помощь русским пришел со своими джигитами сарыбагышский манап Шабдан Джантаев, ранее принявший российское подданство и имевший к этому времени уже звание капитана царской армии. Вместе они разбили Осмона. В этом столкновении Шабдан потерял несколько джигитов убитыми и ранеными. Потери были и со стороны Осмона. Последний вынужден был искать спасение в восточном Туркестане – Синьцзяне. Но там оказалось не лучше. В 1867 г. он вернулся на родину и принял российское подданство со своими сородичами в 3 тысячи семей.²⁹

Русские власти прилагают усилия для мирного вовлечения кыргызов в состав российского государства. Так в мае 1864 г. начальник Зачуйского отряда полковник М.Г.Черняев рассылает кыргызским манапам письма для установления дружественных отношений следующего содержания:

«По воле Великого Государя я вступаю в земли Ваши с Вами с тем, чтобы на вечные времена водворить в них спокойствие и порядок. Намерения нашего Правительства теперь, как и прежде, заключаются в том, чтобы защитить преданное нам население от грабежей и насилия, обеспечить следование караванов, покровительствовать торговле и промышленности, примирить враждующие между собой роды, и тем доставить возможность каждому спокойно пользоваться трудами рук своих. Для достижения этих целей русские войска уже не-

---

²⁸ АВПРИ, ф. СПб, Главный архив. 1-7, оп. 6, д. 2, л. 15-18.

²⁹ Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории кыргызско-русских отношений... – С. 38-39.

сколько раз приходили по призыву Вашему, но лишь только уходили, как враги снова нападали на Вас. Вследствие этого многие между Вами неоднократно просили и теперь просят о принятии их под покров(ительство) Русского Правительства и об устройстве крепостей для ограждения от постоянных притеснений коканцев. Призывы услышаны нашим Великим Государем; войска, мною предводимые, посланы с тем, чтобы навсегда остаться в землях Ваших, и горе тому, кто отныне дерзнет нападать на вас.

Отряд мой имеет с собой все необходимое и ни в чем не нуждается. Предупредите тех, которые не знают еще русского войска и судят об них по войскам коканцев, чтобы никто ничего не опасался и оставался спокойно на своем месте.»³⁰

Призыв возымел действие. Уже в октябре 1864 г. Кетмень-тюбинский манап племени саяк Рыскулбек обращается с письмом к полковнику М.Г.Черняеву с просьбой о принятии его в российское подданство.

Трагически и длительно шел процесс присоединения к России другой части сарыбагышского племени. Через пять лет после принятия российского подданства частью сарыбагышей, возглавляемой Джантаем и Шабданом, пришел черед и их сородичей, хотевших сохранить независимость.

Сарыбагышский манап Уметалы, сын знаменитого Ормон-хана, после долгого сопротивления, окруженный со всех сторон русскими войсками, русскоподданными бугинцами и чериками в конце 1867 г. вынужденно принимает российское подданство. Свидетель этого процесса русский ученый-путешественник Н.А.Северцов так сравнивал кыргызского батыра с античными героями Греции: «Если Ормон являлся в некотором роде Ахиллом среднего Тянь-Шаня, то его сын Уметалы скорее напоминал хитроумного мужа Одиссея. Набеги этого кыргызского Одиссея были всегда удачны: он заставлял врагов врасплох, а его никогда – да и покорился он ... только предвидя вероятный разгром своих айлов, а не дождавшись его.»³¹

---

³⁰ ЦГА РУзб. ф.и. 715, оп. 1, д. 27, л. 184-185.

³¹ Северцов Н.А. Путешествие по Туркестанскому краю. М. «Огиз», 1947, с. 252.

В результате в течение 12 лет – с 1855 по 1867 гг. – кыргызские племена северного Кыргызстана, озабоченные внутренними проблемами, под давлением внешних обстоятельств принимают российское подданство. В основном этот процесс был добровольным и протекал мирно.³²

Завоевание Южного Кыргызстана

Совсем иной характер носило присоединение южного Кыргызстана к России. Здесь, первоначально, в ходе восстания кыргызов и кыпчаков против гнета кокандского хана Худояра, начиная с 1871 г. повстанцы регулярно обращались к русским властям за помощью, с просьбами разрешить им перекочевать из кокандских пределов на территорию, занятую русскими и с просьбами о принятии их в российское подданство. Когда же русские власти, связанные договором с Кокандским ханством, поддержали не повстанцев, а Худояр – хана, прислали ему на помощь свои войска, гнев восставших обернулся против русских войск.

Зав. дипломатической частью Туркестанского края Н.П.Стремухов, в обязанности которого входило регулярно докладывать туркестанскому генерал-губернатору К.П.Кауфману о делах в Кокандском ханстве, доносил 31 июля 1873 г.: «Возложенные на меня занятия по дипломатической переписке побуждают меня, ставят в обязанность передавать Вашему Превосходительству некоторые сообщенные мне сведения о беспорядках, происходящих в настоящее время в Кокандском ханстве, и о положении дел на наших пограничных с Кокандом землях; тем более, что беспорядки эти приняли очень серьезный оборот и могут повести за собою большие изменения в делах ханства...

Еще с давних пор до прихода русских в Туркестанский край, а именно со времени Мингбаши Мусульманкула, родом из кыпчаков, кокандские власти возбуждали против себя негодование киргиз, негодование, которое несколько раз переходило в открытую ожесточенную борьбу. Много

---

³² См. *Джамгерчинов Б.* Добровольное вхождение Киргизии в состав России. – Фрунзе, «Илим», 1963.

крови было пролито в этих междоусобных войнах; вероятно, и в будущем немало будет принесено человеческих жертв в угоду хану Кокандскому.

Перемена к лучшему, к миру, может произойти только тогда, когда ханы откажутся от своей жестокой и полной корыстолюбия и эгоизма, все подавляющей и уничтожающей политики и станут к киргизам в более человеколюбивые и справедливые отношения...

...Алчность, зависть к благосостоянию других, подлая хитрость, безграничная жестокость и страшная подозрительность – суть главные характерные (не самые лестные) черты Худояр-хана, настоящего владельца Коканда. Близость русских его очень пугает, но вместе с тем, благодаря своей хитрости, он сумел найти в могучих соседях опору против всего кокандского населения, которое, если бы не боязнь ко вмешательству России в дела ханства, давно бы восстало против него и положило конец его деспотическому владычеству...

...В настоящее время дикокаменные киргизы, утомленные постоянными несправедливостями, не видя им конца, поднялись против Худояр-хана и дали своей ненависти к нему вырваться наружу».³³

В этих условиях восставшие киргизы во главе со своим предводителем Мамыром весной 1874 г. обратились с коллективным письмом к русским властям Туркестана с просьбой о принятии их в российское подданство: «... Притеснения, гонения, страшные казни, как – то: сажание на кол, которым подвергаемся мы со стороны хана, и наказания палками принудили нас отпасть от хана и принять враждебное положение в отношении его. Рода означенных кара – киргизов: мундуз, кушчи, отуз – оглы, туялас, найман, кызыл – аяк, нуйгут, киргыз – кыпчаки, адыгене, ахтачи, бури и барги, за исключением автобачи; численность киргизов и кипчаков доходит до 200 тысяч кибиток. Если будет возможность и не составит для вас труда, доложите обо всем вышеизложенном генерал – гу-

---

³³ ЦГА РУзб. ф.и. 1, оп. 1, д. 278, л. 1-8.

бернатору. При согласии его превосходительства мы, несчастные кокандские подданные, могли бы избавиться от тиранства Худояр – хана и найти спокойствие». ³⁴

Но туркестанские власти сочли необходимым поддерживать не восставших, а ханский режим, и вместо принятия кыргызов в российское подданство направили войска на помощь хану.

5 декабря 1875 г. генерал-губернатор Туркестанского края, он же командующий войсками туркестанского военного округа К.П.Кауфман в своем донесении военному Министру Российской империи пишет: «... В настоящее время в Кокандском ханстве господствует беспорядочный, дикий элемент, кочевое население ханства киргизы и кипчаки, тот элемент, который постоянно уклоняясь от наших ударов, в минувшую Кокандскую кампанию сего года, видимо, намерен продолжать борьбу с нами. Помимо враждебности нашему владычеству, эта грубая сила, по самому существу ее не подчинялась и не подчиняется никакой законности, никакому порядку. Для обуздания ее, для того, чтобы хотя несколько сдержать ее, я остановился пока на следующей мере: я предписал свиты Его Величества генерал-майору Скобелеву, с частью вверенного ему Наманганского отряда, произвести движение на земли кипчаков в то время именно, когда они осядут со своими семьями и имуществом на зимовках.

... История Кокандского ханства представляет собою целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз и борьбы государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом его населения...

... Непрекращение с нашей стороны такого состояния в Кокандском ханстве, подрывая наш престиж в Средней Азии, дискредитирует веру всего здешнего населения в нашу силу...

... Я высказываю поэтому мое твердое убеждение в необходимости действовать скоро и решительно. Способ действия заключается в занятии предстоящею раннею весной 1876 года всего Кокандского ханства...» ³⁵

---

³⁴ Цит. по кн.: *Усенбаев К.У.* Присоединение Южной Киргизии к России. – Фрунзе, «Илим», 1960. – С. 78-80.

³⁵ ЦГА Кырг.Р., ф.и. 75, оп. 1, д. 53, л. 86-88.

Русские войска действуют быстро и жестоко. Они разгромили повстанцев, казнили их предводителя – вождя из кыргызов по имени Исхак, принявшего имя Пулат – хана и заняли всю их территорию.

По информации командующему войсками туркестанского округа К.П.Кауфману из действующей армии генерала Скобелева: «... Конная стрелковая рота под начальством флигель – адъютанта ротмистра Меллера-Закомельского, пройдя 84 версты, у Уч-Кургана в Каратегинских горах напали на лагерь Пулат-бека. Подошли (к) Уч-Кургану (в) десять часов вечера, скрытно расположив кавалерию (на) главных путях отступления неприятеля; для овладения урдоу направлен со спешенными второю ротою конных стрелков, первую Сибирскою сотней капитан Куропаткин. Смелое решение флигель- адъютанта Меллер-Закомельского атаковать неприятеля ночью, на неизвестной, крайне пересеченной местности, (с) укрепленным кишлаком, (в) семидесяти верстах от пехоты, увенчалось полным успехом. Урда взята штурмом, сарбазы, ее защищавшие, переколоты... Поражение неприятеля окончательное. наших несколько раненых, сколько неизвестно... 29 явились в Андижан Турсункуль и все знатные люди Маргелана с покорностью. Явились депутаты из Оша, Узгента и самого Кокана; ханство изъявляет покорность; ожидает решения своей участи».³⁶

Его участь была предрешена. Все Кокандское ханство, в том числе и территория южного Кыргызстана присоединяется по указу Императора Александра II от 19 февраля 1876 г. к России.

Первым военным губернатором Ферганской области назначается завоеватель Кокандского ханства и, соответственно, всего южного Кыргызстана свиты его императорского величества, генерал-майор М.Д.Скобелев.

Сегодня мы с полным основанием можем говорить о характере присоединения Кыргызстана к России, которое на севере протекало мирно, на юге же вызвало вооруженное сопротивление кыргызов. Алай был завоеван силой ору-

---

³⁶ ЦГА Кыргыз.Р., ф.и. 75, оп. 1, д. 52, л. 85.

жия. Только когда алайская родоправительница Курманджан-датха была пленена войсками генерала М.Д.Скобелева с помощью знаменитого северо-кыргызского манана Шабдана Джантаева, а глава кыргызских повстанцев Пулат-хан был казнен, сменивший его предводитель Абдылдабек – старший сын Курманджан-датхи – неожиданно разгромлен и скоропостижно умер в изгнании, только тогда южный Кыргызстан был завоеван силой оружия и присоединен к России.

Вынужденная смириться с поражением повстанцев и всего восстания, осознавая тщетность борьбы, Курманджан перешла на службу к царю, призвала к этому своих сыновей и все население.³⁷

Оценивая в целом Кокандскую военную компанию туркестанский генерал – губернатор К.П.Кауфман писал 27 апреля 1876 г.

«Война в Коканде вывела из строя нашего гораздо более офицеров и нижних чинов, чем Хивинская экспедиция 1873 г. Война в 1875 г. проходила не с ханами или эмирами, а с народными страстями... Никогда еще в Средней Азии русским не приходилось испытать такой длительной и упорной борьбы. Мы в первый раз столкнулись с энергичным бойцом и познали, что бороться с населением несравненно труднее, чем с деспотами туземных ханств».³⁸

---

³⁷ Воропаева В., Джунушалиев Д., Плоских В. Из истории кыргызско-русских отношений... С. 42-43.

³⁸ ЦГА Узб.Р., ф. 715, оп. 1, д. 67, л. 319-329.

Литературные эссе

---

*Светлой памяти Ю. Бородин
посвящаю*

ПТЕНЦЫ

ПЕТРА ВЕЛИКОГО

НА ТЯНЬ-ШАНЕ

Флорио Беневени

1717 год. После очередной победы над шведами Петр I вернулся в Санкт-Петербург. Там его ждал бухарский посол Кулибек с предложением завязать дружеские и торговые отношения. Да, старая Московия уходила в прошлое; на смену ей вставала новая мировая держава – Российская империя. Даже в далекой Средней Азии слышали об этом.

Феномен России поражал иностранцев. Новая столица росла на берегах Невы как сказочный богатырь – не по дням, а по часам. Еще бы! Начиная с 1710 г. свыше 40000 крестьян и горожан, согнанных со всех концов державы, даже из Сибири, надрывались на строительных работах от зари до зари. Множество из них от непосильных трудов, голода и эпидемий нашли вечный покой в сырой петербургской земле. Умерших заменяли новыми. Немудрено, что в столице ежегодно возводилось несколько сот домов. Еще шесть лет назад Васильевский остров представлял из себя пустырь, где одиноко стоял двухэтажный дом светлейшего князя А.Д.Меншикова. В кустарниках, покрывавшее остров, паслось десятка полтора коров, три из них принадлежали князю – светлейший любил парное молочко. Одноэтажный деревянный домик царя (всего из трех комнат) выглядел более чем скромно; подвыпившие шкипера, выходявшие поздними вечерами из трактиров, глядели на огонек в оконце по ту сторону канала, вынимали трубки изо рта, толковали:

– Значит сам дома... Работает.

В то время в Петербурге насчитывалось 700–800 домов и 8000 жителей, включая царя Петра... А теперь в 1717 г. посол из далекой Бухарии видел рейд, на котором покачивались корабли, видел протянувшиеся вдоль причалов склады с канатами, пенькой, лесом, зерном, пушниной и прочими товарами. Кулибеку будет что рассказать дома.

Петр I, несмотря на загруженность бесконечными делами, принял посла. Правитель Бухары предлагал заключить договор, а для его скрепления прислать «разумного человека». Выбор пал на образованного итальянца Флорио Беневени, секретаря Восточного отдела Посольского приказа.

А.Д.Меншиков, рослый, плечистый, цветущий мужчина в обсыпанном пудрой парике втолковывал будущему послу его задачу, очерченную самим царем: проведывать искусно все пути, города и реки Бухарского ханства; разведать прилежно о взаимоотношениях хана с соседями – Турцией, Персией, Хивой, кочевыми племенами и, если потребуется, предложить ему в помощь русскую гвардию. На самое главное – это выяснить возможность сбыта российских товаров.

Флорио Беневени, рослый, плечистый, цветущий мужчина с черными волнистыми волосами до плеч почтительно слушал и соображал: он должен будет объединить в своем лице персону посла и роль соглядатая – разведчика. Впрочем, разве когда-нибудь бывало по-другому.

Путешествие обещало быть опасным. Но у Ф.Беневени в характере преобладала авантюристическая жилка. Он знал трагическую историю Бековича-Черкасского, однако, это его ничуть не пугало.

А история была такая...

...Петр I, среди утомительных забот Северной войны, находил время подумать о Востоке. В 1716 г. в Среднюю Азию был отправлен внушительный воинский отряд во главе с молодым кабардинским князем Бековичем-Черкасским, любимцем царя. Посланник шел с поздравлениями новому хивинскому хану, от которого должен был проследовать в Бухару, найти город Яркенд и установить, нет ли оттуда речного пути к Каспию и в Индию.

Отряд прибыл в Хиву. Перепуганный хан долго совещался с сановниками, в результате чего восторжествовало единое мнение, как поступить с пришельцами.

...Неожиданных гостей приняли хорошо. Солдатам поставили провизию, а Бековичу с его штабом задали пир, где вопреки корану подавали даже вино. За достарханом главный визирь как бы ненароком пожаловался гостю на трудности с поставками продовольствия такому количеству людей, собранных в одном месте.

– Но я расплачиваюсь за харч для моих солдат звонкой монетой возражал князь.

– Так-то так, но в ближайших селениях уже не осталось съестного, приходится возить издалека.

– Что же вы предлагаете?

– Было бы куда проще, если бы ваше доблестное войско разделить, скажем, хотя бы на пять частей и поместить в разных городах. Тогда все тяготы дальней доставки отпали бы и всё разрешилось бы само собой...

Захмелевший Бекович думал недолго:

– Быть посему!

И шеститысячный отряд разделили на пять частей, после чего определили на постой в разных селениях.

А через неделю, по сигналу, во все пять пунктов ворвались ханские сарбазы и уничтожили гостей во главе с храбрым, но простодушным командиром. Случайно уцелело всего несколько человек...

* * *

Беневени отправился в путь вместе с возвращавшимся бухарским посольством в 1718 г. Путь пролегал по Каспию, через Персию. Там итальянца ждал шахский прием; там же он впервые столкнулся с тягомотиной восточной дипломатии. «Сначала нас приняли хорошо, – доносил посол Петру, – но потом всякая противность показана». Тщетно Беневени пытался вырваться из Персии в Бухару. Его заверяли обещаниями скорой отправки, а сами и не помышляли о ней. Наконец в марте 1721 г. двор шаха получил резкое письмо

российского канцлера, а Беневени – указ Петра о немедленном следовании в Бухару. Решительные действия посла побудили шаха отдать распоряжение об отправке Беневени. Не прошло и 2-х месяцев, как российское посольство наконец-то отправилось дальше, будучи уже три года в пути...

* * *

...Половина жителей Бухары сбежались посмотреть на прибытие русского посла в Бухарский кремль – Арк. Процессия была небольшой, но внушительная. Два десятка «неверных», разодетых в диковинные одежды, медленно ехали на рослых донцах с пышными султанами, посеребренными уздечками в бархатных и парчовых пополах. За ними шагал десяток верблюдов с тюками на спинах. О, Аллах! Сколько подарков везут хану! Впереди кортежа ехал сам посол. Его шляпа со страусовым пером, бархатный камзол с пышными кружевами, высокие ботфорты, шпага, висевшая на боку и длинные волнистые, черные как ночь волосы, рассыпавшиеся по плечам – все вызывало удивление.

По этикету, послы должны были входить во двор Арка пешком, перед троном хана кланяться земно. Эти наставления Беневени получил загодя от Мехтара-визиря по иностранным делам. Толпа затаила дыхание, когда глава орусов нарушил этикет и въехал во двор верхом. Мехтар вздохнул, но промолчал: что оставалось делать? Принимали ведь не какого-нибудь мелкого владельца, а посла величайшей державы. Зато кушбеги – высший ханский военачальник, мужчина с медным лбом и тяжелыми обросшими бородой челюстями, схватился за рукоять сабли...

... И когда молодой бухарский правитель Сейит-Абдулл-Феиз-Мухамед-Богадыр-хан торжественно принял посланника России, Беневени нарушил этикет во-второй раз: он не распростерся ниц перед троном, а поклонился «по-европейски» – в пояс. И это бухарский двор вынужден был проглотить. Зато как приятно удивил посол всех присутствующих, когда в ответ на ханское приветствие отвечал на местном языке! Даже сам хан Сейит-Абдулл-Феиз (и т.д.)

растерялся и посмотрел на переводчика-татарина, как бы вопрошая: что делать дальше? Переводчик наклонился к уху повелителя, пошептал... Бахадыр-хан приосанился и не ударил в грязь лицом – ответил по-русски:

– Хорошо. Изрядно.

Таким образом, была соблюдена честь.

В дальнейшем российский посол еще не раз удивлял бухарский двор неожиданностями...

***

И потянулось долгое «бухарское сидение». Целых три года. Посланник Петра почувствовал на себе и любовь, и коварство хана, двуличие и корыстолюбие ханского двора. К характеристике бухарских властей можно совершенно точно приложить слова самого Беневени о персидском дворе: «Нынешнего сего... двора поведение описать невозможно, ибо в сем непостоянстве обретается..., все министры дженерально смотрят на свою прибыль, а рассуждения об интересе Государственном никакого не имеют, и такие лгуны, что удивительно; на одном моменте и слово дают с божбой и запираются».

Особенно невзлюбил российского посла командующий бухарским войском – кушбеги. Он мечтал о воинской славе и обильной добыче, а что могли предложить оруссы, живущие столь далеко? Его пыл подогревали при помощи золота турецкие шпионы. Глубоко проникновенным голосом он излагал глубоко выношенные мысли:

– Кто такие оруссы? Их побили янычары истанбульского султана (имеется в виду неудачный Прутский поход Петра в 1711 г.), хан хивинский безнаказанно уничтожил их войско, а ведь хивинцы слабее нас. Зачем же нам такие ничтожные союзники?

Кушбеги по своей инициативе окружил российского посла шпионами, дабы собрать уличающий того в злодейских замыслах материал и привести к плахе. Но таких материалов до поры до времени не находились. А бесконечные подарки, которые приходилось давать придвор-

ным чинам? Беневени жаловался своему доверенному слуге Никколо Минеру:

– Эти взяточники скоро меня в пень разорят! Опять главному евнуху пришлось подарить жемчужину ценою в двадцать золотух.

– На что она евнуху?

– Вот и я так думаю... Но, дженерально, он имеет власть над душою этого безмозглого хана – молокососа...

Однако время проходило не совсем зря. Время от времени шпионы кушбеги докладывали своему начальнику, что «неверный с женскими волосами» ходил на базар в сопровождении слуг, покупал то-то и то-то... В основном продукты – баранину, лепешки, сласти, фрукты... Кушбеги хмурился: он не находил зацепки, чтобы обвинить гяура перед ханом. Конечно, посол – большой скаред и не доверяет слугам. Но в таком деле можно было обвинить половину жителей Бухары, если не всех поголовно.

Беневени знал, что за ним следят. А кушбеги и его шпионы не знали, что когда посол-европеец возвращался домой, вскоре из того же дома выходил мусульманин – видимо гость, каких тысячи, не бросающихся в глаза. Превращение с помощью грима, накладной бороды и одежды было столь искусно, что никому бы и в голову не пришло что это – все тот же посол-европеец, упрятавший длинные волосы под чалму. Знал об этом только верный Никколо Минер...

За три года он много раз, переодевшись и загримировавшись, отправлялся бродить по Бухаре. Забирался иной раз в такие дебри, где арба, проезжая, цепляется колесами за дувалы. В итальянских дневниках Флорио Беневени и русских письмах есть описание Бухары того времени. Бухара 12 верст в окружности была обнесена полуобвалившимся валом. Сотни старинных мечетей и медресе украшали глинобитный город. Тянулись к небу бесчисленные минареты. А в центре возвышался Арк – ханский дворец за высокой стеной, ханский гарем с садом, казармы для солдат и несколько мечетей.

Но больше всего привлекал Беневени базар. Каких только новостей не услышишь на базаре! Именно здесь предоставля-

лась возможность легче всего выполнить инструкции государя Петра: «проводывать искусно» и «разведывать прилежно». В чайханах, харчевнях, караван-сараях итальянец узнавал многое. Очень помогало знание языка и местных обычаев. Его всюду принимали за своего. Иногда приходилось даже творить намаз вместе со случайными собеседниками там, где заставлял призыв муэдзина. Конечно, он рисковал разоблачением, скандалом, может быть, головой. Но авантюристическая жилка побеждала... Да и как можно было исполнить лучше всего приказ государя? Благодаря стараниям Флорио Беневени в поле зрения Российской науки попадают конкретные названия городов и местностей Средней Азии: Маргелана, Андижана, Ташкента, Кашгара, Ферганской долины, реки Сырь-Дарьи. И впервые прозвучало самоназвание народа, обитавшего в горах Тянь-Шаня: «киргиси...» Беневени, правда, только упоминает о кыргызах, зато под собственным именем, а не «буруты», как они именовались в России на калмыцкий манер. Причем Беневени ясно отличает их от казахов: казахи фигурируют под собственным этнонимом «казак», а в итальянском дневнике – «casach».

***

Однажды Флорио Беневени пришел на Бухарский базар в другой роли: он покупал. Он купил двух верблюдов, нагрузил их самыми разными товарами, нанял погонщиков и отвел их в ближайший караван-сарай, наказав ждать. Вернувшись, он долго беседовал со своим камердинером Никколо. Тот слушал, сокрушенно качал головой, вздыхал, соглашался с большой неохотой...

– Ты должен разведать, дженерально, пути в Индию. И все выяснить про золотоносный песок. Я сам это сделать не могу – весь на виду у бухарских фискалов. Так что отправляйся купцом в Балх.

– Эх-хе-хе, – вздыхал Никколо.

И верный камердинер, покрасив бороду хной на манер азиатских купцов, с двумя верблюдами и товаром отправился в Балх и далее в Бадахшан.

Никколо Минер прибыл в Москву раньше Беневени. В 1724 г. он докладывал в коллегии иностранных дел о золотосных богатствах Средней Азии. По его словам, золото добывали на реке Дарье, промывали в котлах, затем сушили на кожах и выбивали прутьями (какую именно «Дарью»-реку имел в виду Минер, остается неясным). Беневени сумел передать с Минером на пробу несколько горстей золотого песку из реки Сырь-Дарьи.

...После отъезда Никколо Минера наш brave дипломат отправился в самую большую и богатую харчевню на базаре в своем «посольском наряде». Хозяин почтительно слушал, пока Флорио, постукивая тростью с серебряным набалдашником говорил:

– Не посоветуешь ли, любезный, где нанять искусного повара? Чтобы он хорошо готовил плов, умело заваривал чай и соответственно умело мог поднести все это? Грубых мужланов я не терплю.

Обращаясь к харчевнику, Беневени рассуждал так: «Раз мне не избавиться от ханских шпионов, пусть уж этот будет приносить пользу хотя бы как повар».

Так в посольстве появился Кыдыр – услужливый, расторопный, с фальшивой преданностью в глазах.

Но готовил он отлично.

...А через несколько дней слуга Кыдыр явился к своему начальнику кушбеги и вынул из-за пазухи свиток, воровато озираясь:

– Вот господин... Пока неверный ушел во дворец. Кушбеги взял свиток, развернул: незнакомые орусские письмена, а на полях - столбцы арабских цифр.

– Да это какие-то счета! Что ты принес?

– Не знаю, господин. Я не умею читать по-орусски.

Позвали переводчика-татарина. Тот долго читал текст, шевеля губами. Потом начал переводить. Свиток оказался обыкновенным письмом, в котором посол жаловался какому-то «светлейшему князю» на проволочки в заключении договора, на усталость, скуку и тоску по дому. Ничего интересного. А в конце стояла приписка: «Также высылаю список расходов на прожитие, которые противу прежних зело возросли».

Кушбеги швырнул свиток шпиону и сказал:

- Убирайся, сын греха, и положи это туда, где взял. И если в следующий раз ты принесешь мне такой же улов, я велю дать тебе пятьдесят плетей!

Знал бы кушбеги, что он выпустил из рук! В свитке была «циферная реляция» от посланника Флорио Беневени Петру I . То есть, закодированное донесение. В нем он предлагал царю присоединить Бухарское ханство к России, уверяя, что большого сопротивления он не встретит из-за междоусобиц хивинских и бухарских узбеков, афганцев, туркмен, из-за войн индийских князей.

« ...А что ташкенцы, киргиси, кара-калпаки и казахи, и тие никакое помешательство учинить не могут». Последние сами были постоянно связаны жестокими стычками с ойратами.

Беневени давал подробную характеристику внутреннего состояния Бухарского ханства, сообщил о его военной и экономической слабости, о ненадежности положения самих правителей. За такие сведения можно было лишиться головы, расшифруй кушбеги текст. Но посол знал, что делает.

***

На очередном приеме во дворце Российский посол что-то почтительно-настойчиво говорил хану, хан морщился.

Кушбеги злорадно шепнул соседу:

- Наверное, опять просит за пленных орусов. Пусть просит. У него золота не хватит выкупить и десятую часть. А даром хан не отдаст.

Действительно, Беневени – уже в который раз – обращался с просьбой к хану о решении судьбы русских пленников. В то время в Бухаре только при ханском дворе их насчитывалось до 250, в городе – до 1000, а во всем ханстве до 2000, Они тщетно просили переправить их в Россию. Но посол при всем желании не мог всех их выкупить из рабства, тем более вывезти из Бухары...

...Беневени проснулся на рассвете от воркования горлинок и скандального гама воробьев. Накинув халат, он вышел

на айван, уселся на тахту и стал уныло глядеть в набухающий почками сад. Было 8 апреля 1725г. Ничто не радовало дипломатического посланника. Его дипломатия потерпела конфузив. Цель посольства не достигнута ни в чем. Торговый договор заключить не удалось. Хан отказался и от оборонительного союза с Россией. Слишком сильным чувствовалось влияние турецких агентов при бухарском дворе. После Прутского похода Петра (1711 г.) авторитет России на востоке пал весьма низко. Зато авторитет Блистательной Порты возрос чрезвычайно. Персидский поход 1722–1723 гг. тоже не принес славы русскому оружию. Посещая ханский дворец, российский дипломат все острее чувствовал неприязнь к собственной персоне. Придворные чуть ли не открыто насмеялись над ним. Хан выказывал явное пренебрежение. Один только старый друг Мехтар (министр иностранных дел) Кулибек приветливо улыбался, но и он старался это делать реже и незаметнее. Именно Кулибек прислал доверенного человека с предупреждением: будь настороже, друг ибн Бени-Вени, кушбеги и его сторонники затягивают вокруг твоей шеи петлю.

И Флорио Беневени принял решение, сидя на айване и глядя на цветущий миндаль. Как всегда, между решением и осуществлением его проходило очень мало времени. Уже через час верный друг, татарин-переводчик (тот, что переводил хану), вывел четырех водовозных верблюдов, сел на коня и повел свой маленький караван по большой Хивинской дороге. Когда солнце поднялось над черными полями, еще не просохшими от стаявшего снега, караван был уже далеко.

Днем посланник побывал во дворце, тщетно добиваясь аудиенции. Он заметил злорадный блеск в глазах многих придворных и догадывался почему: видимо, судьба его решена в сторону плахи. Но они плохо знали Флорио Беневени...

...В полночь 6 апреля 1725 г. Беневени со всем посольством и несколькими русскими пленниками, выкупленными им за собственные деньги (всего 27 человек), тайно и навсегда покинул пределы бухарской столицы. Он догонял караван, предусмотрительно высланный вперед.

...Хивинский хан Ширгазы принял гостей, неожиданно свалившихся ему на голову очень приветливо. До его сиятельного слуха уже дошла молва о российских победах в Северной войне. Наиუმнейший хан трезво оценивал возросшую мощь России. И хорошо помнил свою вину перед Петром I за ту самую трагическую историю с князем Бековичем-Черкасским...

* * *

Прошло полгода. Посольство наконец-то свободно вздохнуло на земле Российской империи. Из Астрахани Флорио Беневени пишет преемнице Петра, новой Российской императрице Екатерине I: «При «варварах» немалые страсти я претерпел. Десница божия однако ж, что достойно удивлению, меня от таких страстей выручила».

В целом посольство Флорио Беневени не достигло поставленных задач. Но были и положительные результаты. В российском научном обращении появились многие среднеазиатские термины: города, реки, местности.

И впервые русского слуха коснулось имя-самоназвание народа, обитавшего в горах Тянь-Шаня: киргиси.

Того самого народа, представители которого Атаке, Боромбай, Качибек, Шералин, Джантай, Шабдан, Курманджан-датха и т.п. впоследствии от имени многих кыргызских племен принесут клятву в вечной дружбе русскому народу...

Унковский

Только что отшумели парады, салюты и фейерверки по поводу победоносного завершения Северной войны. Россия вошла в ранг мировых держав. Русский военно-морской флот стал господствующим на Балтике; иностранные корабли при виде флага с андреевским крестом снимали, так сказать, шляпы. Слух о мощи России распространился в самые дальние пределы матушки-земли.

В сентябре 1721 г. Петр I в окружении пышной свиты принимал полномочного посла из Джунгарского царства.

Правитель джунгар-ойратов (по-русски – калмыков) хунтайчжи Цэван Рабтан прислал своего доверенного вельможу Борокургана с богатыми дарами и заявлением, что Джунгария решительно желает вступить в подданство к русскому царю. Это устраивало царя, так как открывало пути в глубины малоизвестной Азии, а дальше, возможно, в Индию и Китай. Для окончательных переговоров с Цэваном Рабтаном и принятия от него присяги решено было направить в Джунгарию посла. Выбор пал на капитана от артиллерии Ивана Унковского. Он получил инструкции добиваться у хунтайчжи позволения на постройку в ханстве ряда крепостей и выбрать для них удобные места, особенно там, «где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью». Всему следовало «учинить чертеж», т.е. карту. Для шифровки текстов Унковскому была вручена «циферная азбука».

Петр направлял Цэван Рабтану богатые подарки, были отпущены большие средства на расходы самой экспедиции. Помимо охраны полномочного посла сопровождал целый штат специалистов: «геодезии ученик» Григорий Путилов, чтобы «учинять» чертежи тех мест; «горных дел ученик» Лаврентий Эскин – разведывать железную руду; «инженерный ученик» Михаил Анушкин, артиллеристы, кречетники и другие.

Во избежание помех в беседах с джунгарами в Тобольске присоединились к посольству сразу три переводчика, а также два писаря, фельдшер, кузнец и еще куча «нужного» народа. Унковский даже вез с собой жену. Всего направлялось в Джунгарию 57 человек.

Это были первые русские люди, побывавшие на территории Кыргызстана и оставившие письменные свидетельства о нем.

Путь оказался весьма долгим. В феврале 1722 г. выехали из Москвы и только в ноябре, проехав всю Россию и сибирские земли, достигли горных хребтов Ала-Тоо. Там, в тесных горных расщелинах стояли ойратские караулы. Послов наконец-то встретили хозяева – почетный конвой во главе с ближайшим советником хунтайчжи Намышкой. По дороге в ставку воины разгоняли всех встречных и по-

перечных, «чтоб – как догадывался Унковский – с нашими людьми не виделись и ничего не говорили». Это первое, что неприятно поразило Российского посла.

***

Для посольства в версте от Уруи – столицы ханства – раскинули целый курень из 13 просторных, убранных войлочными коврами юрт. Самая большая предназначалась для Унковского с женой, остальных распределили по 4–5 человек. Стража из 10 окольчуженных воинов и специально приставленный чиновник Цуй охраняли покой гостей. Они же и препятствовали общению с внешним миром. На все попытки Унковского ускорить встречу с хун-тайчжи Цуй многократно кланялся и отвечал:

– Я доложу высокому начальнику Санжи.

А когда Унковский вознамерился прокатиться по округе, Цуй испуганно округлил как только мог свои узкие глаза:

– Нельзя! Нельзя! Нападут буруты, могут увести в плен, а то и убить.

– А кто такие буруты?

Цуй испуганно всплеснул руками – шире округлить глаза он уже не мог:

– Злое племя! Очень нехорошие люди! Разбойники! Так капитан Унковский впервые услышал о бурутах – так ойраты называли кыргызов.

Капитан отметил про себя бросающийся в глаза факт: чиновники хун-тайчжи всячески препятствовали общению приезжих с населением, к чему бы это?

– Неужто разбойники водятся в одной версте от престольной столицы? – недоверчиво спрашивал он.

Цуй только развел руками и пообещал доложить высокому начальнику Санжи.

Впоследствии Унковский разобрался в этих чиновничьих хитростях. Дело в том, что к началу ХУШ в. наступил решительный этап борьбы среднеазиатских кочевых племен-казахов и кыргызов с джунгаро-ойратским владычеством. И Цэван Рабтану вовсе не улыбалось, если бы его

насиленноподданные вошли в контакт с русскими и попросили защиты и подданства у царя. (Что и было сделано спустя век - полтора).

И Унковский с горечью записал в дневнике;

«...Для всяких потреб в лес без их караула (чтобы) не ходили, опасаясь от казачьей орды и Боротов колонных, чтобы грабительства какого не учинили, объявляя, что оные воры... И то видно, что для того б не ходили, дабы ни с кем не виделись и ни о чем бы не уведомялись».

Но при таком ограничении как выполнить наказания царя?

***

Наконец, посольству назначили аудиенцию у Цэван Рабтана.

– Уж эти азиаты! Наш великий государь не чета здешнему князчишке, однако за руку со мной здоровался, по плечу хлопал, а как уезжали, собственноручно чарку поднес.

Однако для пользы дела капитан пошел на выполнение всего, что требовалось: за полверсты от ханской юрты слез с лошади, отдал все оружие, остальной путь проделал пешком, сам откинул полог юрты, а как вошел, поклонился по этикету – в пояс.

Но, к чести ойратов сказать, на этом церемониальные придирки и кончились. Дальнейшее общение с «контайшой» и его двором происходило вполне сносно, умеренно-демократически.

Русский посланник теперь частенько бывал на приемах у хун-тайчжи. Цэван Рабтана больше всего занимало соотношение политических сил в мире:

– Мусульмане хвалят турецкое ханство, как самое сильное. Цины (китайцы) то же самое говорят про свою страну. А ты твердишь свое... Что ответишь?

Унковский с жаром стал говорить о могучей Российской армии, опрокинувшей шведов. О замечательном флоте – владыке морей. Он описал бесчисленные города Руси, ее храмы с вознесшимися к небу золотыми куполами. Не забыл он и о её просторах, – от польских границ до Камчат-

ки – которые «не одолеет верховой и за два года». Никогда капитан от артиллерии – Иван Унковский не был столь красноречив, даже когда сватался к жене своей Настасье Филипповне. А уж когда добрался до артиллерии...

– А какие у нас пушки! Разве у китайцев есть такие? – и призывал в свидетели старого знакомого еще по Петербургу Борокургана.

Борокурган согласно кивал. Да, он видел в Северной столице корабли, которые и вообразить нельзя... А праздничный салют и фейерверки и сейчас волновали его.

– Прогремело тысяча громов, как будто расколосось небо, и по этому небу бесчисленные молнии рассыпались на еще более бесчисленные искры!...

Хун-тайчжи задумчиво почесывался, размышляя...

...Однажды зашла речь о мастерстве. Высокий начальник Санжи превозносил китайских мастеров, обретавшихся в ставке. Унковский вынул из кармана часы (немецкой работы) и положил на скатерть. Цэван Рабтан высокомерно заявил:

– Подобные и у нас есть.

– А вот посмотрим! ...Давайте ваших мастеров: если разберутся в часах, я оставлю их.

Часы были и впрямь хороши – величиной с добрую луковицу, с золотом и филигранью. И Санжи хлопнул в ладоши...

...Долго возились опытные придворные мастера. Пир уже подходил к концу, когда мастера, понутив головы, признались, что разобраться в часах не могут. Торжествующий Иван забрал часы, и насвистывая Преображенский марш, отправился в свою юрту.

На этом дело с часами не кончилось. На следующее утро по приглашению посла многие чиновники двора собрались у него. В разгар пира общий разговор переключился опять на часы. Разгоряченный съеденным и выпитым Унковский вынул часы и предложил:

– Тот, кто снимет цепочку с часов, станет их хозяином.

Гости были разгорячены не меньше. Но тщетно ломали головы один за другим: цепочка не снималась. Унковский посмеивался:

– Крутите, крутите...

Так цепочку никто и не снял. Капитан самодовольно спрятал их в карман.

– То-то... Выпьем же за здоровье государя Петра Первого.

***

Однако, приемы и пиры не помешали острым глазам капитана присматриваться к порядкам и состоянию в государстве ойратов.

Цэван Рабтан был мудрым правителем и пекся о поддержании военной мощи своего государства. Он отлично понимал преимущества европейской военной техники и поэтому тщательно собирал под свою руку специалистов, где только мог найти. В этом отношении показательна судьба шведского офицера Рената. Иоганн Густав Ренат попал в плен к русским и был сослан в Сибирь. Там он, в 1716 г. вторично попадает в плен, на этот раз к джунгарам. Цэван Рабтан обласкал пленника, дал ему подручных и все необходимое. И Ренат отлил для войска хун-тайчжи семь медных пушек, три мортиры и научил ими пользоваться. На родину Иоганн Густав вернулся лишь в 1733 году. При этом он вывез карту ойратских владений на Тянь-Шане; на карте рядом с изображением озера Иссык-Куль, названного «Тускель», дается примечание: «Здесь есть железный песок».

Другая судьба. Дворянин из г. Кузнецка Иван Сорокин оказался подручным Рената. Интересны его сообщения о добыче железной руды на севере Кыргызстана. Сорокин рассказал, что в окрестностях озера «Текеел» («Тускель»), т.е. Иссык-Куль, довольно много железной руды, которую «калмыки» добывали на одном берегу, затем везли вокруг озера на противоположный берег - в лес на горе и плавили в горах. Тот же Ренат с помощью 100 русских пленных усовершенствовал способ доставки руды, построив дощаник «для перевозу... через... озеро Тексел на другой берег железной руды... А всего в производстве было занято около тысячи мастеров.

Иван Сорокин вернулся на родину через 14 лет. Да мало ли их было! Для налаживания ружейного производства был

привлечен русский слесарь Зеленовский. Поручик Дебеш научил делать сукна и пилы. Русские пленные и беглые люди развили кожевенное производство. Все тот же Ренат поставил литейное дело. В ханстве изготовлялся местный порох.

Разумное правление Цэван Рабтана давало свои плоды. Ханство окрепло. Его войско тоже. В столкновениях с казахами Большой и Средний жузы потерпели поражение. Кыргызы молчали. Опасность со стороны Китая отдалась: император Канси умер, а его преемник прислал посольство с предложением мира.

В новых сложившихся условиях вопрос о подданстве России требовал пересмотра.

Цвело лето. В июне–июле 1724 г. хун-тайчжи кочевал со своей ставкой в Прииссыккулье и в верховьях реки Или. Российское посольство следовало за ним.

В своем дневнике Унковский упоминает местности Кыргызстана:

28 июня – кочевали вверх по реке Каркаре на зюйд 5 часов;

19 июля – кочевали через реку Тюп;

20 июля – дневали на ручейке между гор, на которых ельнику и можжевельнику много;

21 июля – кочевали через реку Джергалан на зюйд-вест до кошех, которая построена в горах.

Здесь, на реке Джергалан, посоветовавшись с родоправителями всех улусов, съехавшихся для этого, Цэван Рабтан, принял окончательное решение отказаться от подданства России. Достигнутые успехи в борьбе с соседями, кажущаяся крепость ханства сделали хун-тайчжи более уверенным в благополучном завтрашнем дне. Решение было объявлено российскому послу.

Про разведку руд (тем более про постройку крепостей) хун-тайчжи умолчал, чем свел на нет результаты посольства Унковского.

История показала: прозорливый Цэван Рабтан совершил страшную трагическую для своего народа ошибку, отказавшись от протектората и помощи России. Через тридцать пять лет в Джунгарию ворвутся армии цинского императора и за-

льют ее кровью. Более миллиона человек будет уничтожено, от могучего народа ойратов останется едва ли пятая часть...

...8 августа послы вместе с ойратской ставкой переправлялись через реку Джергалан в северном направлении. С 21 августа почти месяц кочевали вверх по реке Тюп.

Дальнейшее пребывание в ханстве становилось бесполезным, даже опасным. Часть придворных во главе с Санжи и Цуем настаивала на уничтожении посольства. К ним присоединились и сыновья хун-тайчжи (сказалась работа китайских эмиссаров).

Но Цэван Рабтан решительно отверг эти предложения. Он напомнил о победах Петра.

– С таким великим государем воевать не надлежит. И чтобы закрепить впечатление, добавил:

– Если с головы посла или его людей упадет хотя бы волос, виновный сам лишится головы.

17 сентября (1724 г.) посольство Ивана Унковского отбыло на родину. Вместе с ним отправлялось в Петербург ойратское посольство во главе с Доржи.

На прощальной аудиенции Цэван Рабтан пожелал гостям счастливого пути, просил оказывать посильную помощь Доржи и возвратил 13 русских пленных.

Унковский поблагодарил владетеля, а потом сказал:

– Прошу, Ваше Величество, принять подарок и от меня, как представителя нашего великого государя.

И вынул свои знаменитые часы с боем...

***

Итак, в целом посольство Унковского не выполнило поставленных Петром задач. В чем же тогда историческая ценность его результатов и стоило ли упоминать об Иване Унковском и его соратниках?

Приведем те плюсы, которые явно просматриваются.

1. Благодаря этой поездке расширились в России географические познания о Средней Азии. Вспомним, что истинные знания порой собираются по крупицам.

2. В путевом дневнике Унковского впервые было упомянуто о кыргызах в ойратской транскрипции «буруты».
3. Григорием Путиловым («учеником геодезии») были составлены три подробные карты, сослужившие немалую службу для русской дипломатической практики на востоке. На этих картах впервые «вычерчены» участки Кыргызстана с реками Тюп и Джергалан, очерчения Иссык-Куля, реки Чу.
4. Сведения о кыргызах в «журнале» Унковского ценны для истории Кыргызстана своей уникальностью или же подтверждением уже известных. Например, запись в его дневнике от 26 мая 1722 г. о встрече с пленным томским татаринном, который говорил ему о кыргызских выходцах с Енисея на Тянь-Шане. (В 1702 г. Цэван Рабтан в принудительном порядке вывел подвластные ему кыргызские айылы с Енисея и переселил их вглубь Тянь-Шаня). Для истории Кыргызстана интересно и упоминание Унковского о прииссыккульских кыргызах - «бурутах», «которые около озера Тускель кочуют... А оных народов около 5000 кибиток находится, а войска их около 3000 доброга собратся может...»

Это, вероятно, было одно из кыргызских племен, не откочевавших под натиском ойратских орд в Фергану. Какое из кыргызских племен это было, мы можем только гадать.

Что ж? Такие вот крупницы, добытые из архивных манускриптов, складываются в мозаику, дают нам все полнее и полнее картину исторического прошлого киргизского народа.

ПЕРВОЕ КЫРГЫЗСКОЕ

ПОСОЛЬСТВО

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Сон

Два бия, два правителя-родоначальника племени сарыбагышей не поладили между собой. И народ разделился на две части. Одни стояли за грозного Исенгула, богатого и властного. Другие поддерживали Атаке, знаменитого когда-то барымтача, победителя калмаков, прозванного за свою удаль батыром.

Аксакалы-старейшины пытались примирить врагов, но маленький вначале огонек вражды успел разгореться в большой костер и потушить его мог теперь разве только всемогущий Аллах.

Храбрые воины-сарыбагыши готовились к истреблению друг друга в братоубийственной расправе.

Бий Атаке, стараясь избежать взаимной резни, откочевал со своим кошем подальше от Исенгула.

Пусть утихнут страсти! И самый большой костер заливают вода времени! Пройдет срок, и все как-нибудь уладится.

Так думал Атаке.

Но иначе рассудил властолюбивый и гордый Исенгул.

В один из дней примчался гонец от начальника дозора Уркалы:

– Уважаемый бий! Сюда идет Исенгул с войском. Его джигиты громко кричат ураан! (боевой призыв).

Окружившие Атаке советники и джигиты заволновались:

– Что делать? Уйти некуда...

– Принимать бой? Но их в два раза больше...

– Э, разве калмаков было меньше? Но мы поколотили и прогнали их прочь.

– Атаке! Принимай решение! Или ты боишься? – крикнул самый нетерпеливый.

Нет, не испугался Атаке соперника. Разве он дрожал когда-нибудь за свою жизнь? Но вступать в бой с братьями, пролить кровь своих же сородичей...

Бирназар, его ближайший друг, видя нерешительность предводителя, сказал:

– Дадим бой! Чего ты медлишь?

– Нет! – сказал Атаке.

Бирназар не поверил собственным ушам.

– Ты хочешь сдаться на милость врага? Исенгул никого не пощадит!

– Какого врага? Я знаю нрав Исенгула. Но они тоже сарыбагыши! И сдаваться мы не будем. Да и не в моем это обычае. Мы уйдем.

– Куда?! – закричал Бирназар в сердцах. – Мы же в капкане.

– Видишь? – Атаке показал камчой на узкую тропинку, вьющуюся над пропастью.

– С женщинами, детьми и скотом? – Бирназар недоуменно глядел на своего бия.

– Со всем кошом! – подтвердил Атаке.

– Там и козел не пройдет!

– А мы пройдем. Эй, мастера-удальцы, золотые руки! – обратился Атаке к джигитам. – Видите вон ту тропинку? Это наша дорога в рай. Нужно только быстро отгородить ее жердями от пропасти, чтобы ненароком не свалились туда овцы или женщина, или слабосильный. За работу!

Он первым схватил жердь и шагнул на тропу.

Прискакал второй гонец:

– Исенгул идет!

– Пусть идет, – отвечал бий, подтаскивая новую жердь. На тропе уже стучали топоры, и джигиты веревками связывали накрепко длинные жердины.

Прискакал третий гонец:

– Исенгул приближается!

– Торопитесь, храбрецы! Спешите, отважные! – подбадривал Атаке строителей. А с тех и так лил пот в три ручья. И вот тропа ограждена прочными деревянными перилами. На нее вступили дети и женщины, предводительствуемые стариками. Гнали скот. Тащили скарб, держа лошадей под уздцы.

Примчался четвертый гонец:

– Джигиты Исенгула вот-вот будут здесь!

– Быстрее, сестры! Быстрее, красавицы! – подбадривал Атаке женщин. Мужчины сгрудились вокруг своего вождя, приготовили айбалта – боевые топоры и длинные острые пики – найза, настороженно посматривая в конец ущелья.

Наконец примчался сам начальник дозора Уркалы с оставшимися джигитами:

– Люди Исенгула скачут за нами по пятам. Что делать?

Атаке посмотрел на тропу. Последняя немощная старуха, держась за перила и подгоняя овцу хворостиной, уже скрылась за поворотом.

– Уходить! – скомандовал Атаке.

Он ушел последним, осторожно ведя за чембур своего чалого. Конь всхрапывал, приседал на задние ноги и пугливо косил глазом в бездну. Но шел, послушный железной руке хозяина...

Подлетевшие воины Исенгула не нашли ничего и никого. Даже овечьего хвоста. Бий Исенгул злобно ругался, проклинал шайтанов, несомненно помогавших его врагу уйти из ловушки. Но поделать ничего не мог. Не идти же по узкой, как мост в рай, тропке гуськом навстречу коварному противнику! Ведь за поворотом наверняка засада. И отряд Исенгула повернул назад...

Думы о былом

... Старый бий Атаке проснулся. Так это был всего лишь сон! Горько пробуждение в старости после молодых снов! Но все равно, возблагодарим Аллаха за то, что он посылает нам иногда такие яркие воспоминания!

Атаке лежал, побряхтывая, почесываясь. За стенкой юрты гремела казаном эта девчонка Айгуль, что-то напевая.

Эх-хе-хе... Вот заставили еще раз жениться. Как откажешься? Уметалы-бий – важный человек, породниться с ним велит здравый смысл. А теперь что же получается? Ведь беззубый пес кость не разгрызет. И разве мудро на хромого верблюда взваливать поклажу? Получается совсем нехорошо. Вон она какая молодая, приткая...

Правда, Бактыгул-мерген весной убил марала-рогача и подарил бию. Не помог «элексир молодости». Видно, врут табибы.

Эх, старость, проклятая старость! Сколько навалилось разных болячек-хвороб! Он вспомнил, как они с братом Сатыбалды темными ночами, в дождь и холод, угоняли косяки лошадей, по двое-трое суток тряслись в седлах мокрые, промерзшие – не знали никаких болезней! Знаменитые на всю Фергану барымтачи, сыновья бия Тыная...

Да, тогда сарыбагыши, спасаясь от калмакских сабель, бедствовали в предгорьях Ферганы. Не хватало пастбищ для скота. Им отвели бесплодную землю, и Тынай-бий со всем своим родом копал арык, чтобы оросить сухие степи. Кажется, конца не будет постылой работе. Атаке и сейчас помнил кровавые мозоли на ладонях от проклятого кетменя.

Братьям-храбрецам не по нраву пришлась такая жизнь. И они крепко, ой как крепко, побратались с темной ночью, верным конем и неверной судьбой.

Отовсюду к ним стекалась отчаянная молодежь. С горстью смельчаков братья перешли Нарын и на Суусамыре разгромили калмакский отряд. Эту битву Атаке не забудет до самой смерти. В тот раз какой-то калмак никак не хотел умирать. Умело защищаясь, он изловчился и ударил Атаке саблей в лицо. Глаза уцелели, а вот нос – как бритвой срезало. С тех пор батыр не снимал черную повязку, скрывая уродство.

Началась война. Толпами к ним шли сарыбагыши, а также обездоленные и обиженные из других кыргызских племен. После многих кровопролитных схваток калмаки были изгнаны из Чуйской долины, а потом и вовсе ушли – в Джунгарию.

Хорошее было времечко. Где оно теперь? Где милый брат Сатыбалды? Эх, старость, проклятая старость!...

Горькие думы Атаке с личного врага – старости – переключились на судьбы своего народа и потекли по привычному руслу. Что ждет племена кыргызов в будущем? Не ожидает ли их гибель от руки сильных и беспощадных соседей? И где искать выход из создавшегося положения?

Недаром посещали такие мысли старого бия Атаке! Для этого были веские основания.

Во второй половине XVIII в. недавно образовавшееся Кокандское ханство начало войну против южнокыргызских племен. В 1762 г. кокандские войска под командованием Ирданы-бия напали на кыргызов и опустошили земли «в стране Узе» (Узген). Город Ош был захвачен. Против завоевателей выступило ополчение племен адыгине, ичкилик и монголдор во главе с Хаджи-бием. Но в решительном сражении оно было разбито и ушло в горы.

С вступлением в 1770 г. на кокандский престол Нарбуты-бия натиск на кыргызов усилился. Нарбута пользовался любой возможностью, чтобы внести раскол в среду кыргызских феодалов: привлекал подарками одних и натравливал их на других.

Однако кыргызы отстаивали свою независимость. Надолго ли? И не последует ли за этим продвижение кокандцев в Чуйскую долину и на Иссык-Куль?

С другой стороны, с востока, к кыргызским границам вплотную приблизились владения китайцев – империи Цин. В 1757-1758 гг. ранее могучее Джунгарское ханство ойратов-калмаков пало под ударами цинских войск. Китайские полководцы сравнялись в жестокости с Чингисханом. Вот что писал столетие спустя А.Н.Куропаткин, посетивший Восточный Туркестан: «Китайцы, вероятно, считали свою власть мало упроченною в Джунгарии, потому что эта страна досталась им без кровопролития. Поэтому в следующем же, 1758, году, пользуясь незначительными частыми восстаниями, богдыхан выслал три армии под началом Чжао Хоя и Фу Дэ с приказанием искоренить джунгаров, началось страшное избиение калмаков без разбора возраста и пола.

Около 1000000 душ погибло в этой бесчеловечной резне... жители этой некогда богатой страны были истреблены».

От некогда могущественного народа осталась едва ли пятая часть. Они спаслись от лютой смерти бегством в Россию, где нашли защиту и помощь. Мелкие группы калмаков укрывались в горах. Атаке сам приютил в своих кочевьях бывших врагов – несколько десятков семейств, на правах «бедных родственников», точнее, – кулов¹. Китайские отряды Чжао Хоя, преследуя беглецов, в 1758 г. через перевал Санташ вторглись в кыргызские земли на Иссык-Куле.

Вскоре китайцы ушли. Но ведь они могут вернуться и, если не дать им отпор, остаться навсегда!

А положение на севере? Откуда уж много лет на кыргызские кочевья злой тучей налетает беда?

В 1778-1781 гг. в Среднем жузе казахов возвысился Аблай-хан. Он совершил ряд набегов на соседей из Старшего жуза и их союзников – кыргызов. Земли Аблая подверглись ответным набегам. Незадолго до смерти (1781 г.) Аблай-хан с большим отрядом разорил кыргызские кочевья, взял заложников и остался кочевать в окрестностях города Туркестана.

Взаимная вражда, набеги барымтачей продолжают и при сыне Аблай-хана, теперешнем Вали-султানে. С той и другой стороны пылают айлы, льется кровь. И не видно этому конца. Такие уж наступили жестокие времена, что народы-братья подняли друг на друга вооруженную руку...

Утро

...За стеной юрты опять загремели посудой. Послышались голоса. Один – звонкий, беспечный принадлежал Айгуль. Второй – рабу-калмаку, доставшемуся Атаке в качестве приданого за молодой женой.

Однако за девчонкой глаз да глаз нужен. Не опозорила бы на старости лет. Совсем отчаянная – ничего не боится. И этот раб слишком уж часто крутится возле нее. Ведь у женщин,

---

¹ Кул – букв. раб

особенно у молодых, бывает дурной вкус. Сердце свое отдает не храброму джигиту или мудрому государственному мужу, а смазливому хорьку, за которым ни громких дел, ни высокого положения, ни большого имущества – ничего нет...

Солнце поднялось уже высоко, и дел впереди много. Вот едет Жээренчэ – легок на помине! А он как раз собирался за ним послать.

Жээренчэ спешился, осведомился о здоровье бия и принял из рук служанки пиалу с кумысом. Атаке глядел на своего советника с грустью: постарел, постарел старый друг! Вон какой длинной стала седая борода – до самого пояса. А ведь оба были, кажется, совсем недавно чернокрылыми орлами.

Атаке вспомнил их первую встречу.

Как-то он объезжал свои владения и встретил кедея², шедшего пешком. Кедей почтительно и весело приветствовал своего племенного вождя. Атаке придержал коня и спросил:

– Как дела?

– Э! – отвечал кедей. – Как говорится: «Хорошие времена у других, плохие времена – у себя».

– Почему плохие?

– Если медленно иду – беда меня погоняет, быстро иду – сам беду нагоняю.

– Или скот пал?

– Сохрани бог! Скота у меня давно уже нет.

– Жена, дети – живы, здоровы?

– С этим слава богу. Все пять ртов, включая и мой, – кедей обнажил крепкие зубы, – целехоньки. И каждый день есть просят. А ведь что в казан положишь, то и съешь. Ну, а если положить нечего?

– Разве у тебя нет рук или ног, чтобы заработать еду для семьи?

– У каждого на этом свете разная доля, – отвечал кедей, – одного секут ветры и поливают дожди, а другой нежится в теплой юрте на кошмах. Один ест талкан на воде, у второго каждый день на достархане бешбармак. Мой богатый родственник Сасыкбай забыл, сколько у него овец. Только

---

² Кедей – бедняк

я могу их сосчитать: семь раз по сто и еще пятьдесят. Потому что пасу их. У тебя, великий бий, коней и баранов – что звезд на небе, а в нашем аиле на десять семей джатаков – ни одной головы.

На это бий ответил:

– Какой смысл кеклику обижаться, что беркут летает выше? И правильно ли сделает чий, если захочет тягаться ростом с елью? У каждого своя доля – это ты верно заметил.

Теперь отвечал кедей:

– Аллах сотворил всех людей равными. Все мы произошли от Адама. Почему же тогда один ест так, будто у него сразу три рта, а другому не достается и объедков? Потому что богатые и сильные отнимают пищу у слабых.

– Пальцы на руке в один день родились, но один меньше, другой – больше, – возразил Атаке. – Разве бывает долина без горы? Разве могут овцы без пастуха?

– Одним пальцем не ущипнешь, а если они помогают друг другу, получается кулак. Почему же богатые не хотят помочь бедным?

– Как твое имя?

– Жээренчэ, – так называли меня отец с матерью. А люди зовут Жээренчэ-кедеем³.

– Тебя можно назвать и Жээренчэ-чечен⁴, – сказал тогда Атаке и пригласил бедняка к себе в гости. Это было неслыханным почетом для нищего кедея. Но Атаке знал, что делал. С тех пор Жээренчэ стал неизменным советником во всех делах, и ни один его совет не оказался плохим.

... Когда старики подкрепились, бий сказал:

– Тому, о чем мы с тобой давно думали, пришло время. Будем созывать малый курултай. Посылай гонцов от моего имени ко всем биям и аксакалам.

Курултай

В аил бия Атаке с утра начали съезжаться гости. Сначала ближние: младшие бии – главы родов сарыбагышей. Убелен-

---

³ Жээрен – букв. джейран.

⁴ Чечен – букв. красноречивый.

ные сединами аксакалы, почитаемые за ум и опыт. Батыры – выдающиеся джигиты, прославившиеся при защите своих кочевий или при нападении на чужие в лихой барымте.

Потом, звеня богатыми уздечками, в окружении свиты, советников и личных дружин стали один за другим прибывать вожди союзных племен – саяков, монголдор, жилдей-кесеков, бугинцев, саруу.

Для богатого пира основательно перешерстили тучные стада радушного хозяина. Не было забыто и поголовье, которым владели простые члены рода – чарбадары. По обычаю, сородичи ради столь важного события поднесли своему феодально-патриархальному главе тартуу – подарки: круторогих баранов, нежных овечек, жеребят-тай и жирных кобылиц.

В больших казанах на открытом воздухе варили бешбармак на две сотни гостей. Жарили боорсоки, процеживали бозо, взбивали кумыс.

Самые знатные и почитаемые могли рассчитывать на ночлег в юртах предводителя, всех прочих по обычаю готовы были приютить обитатели айла.

В честь праздника организовали скачки, а также состязание джигитов в стрельбе по мишени – джамбы атыш, когда завернутый в кожу кусок серебра подвешивают за длинный ремешок на высоком шесте. Чтобы получить приз, джигит должен на всем скаку попасть в ремешок стрелой и сбить джамбы.

Много лихих наездников пробовали силы, но самым метким стрелком оказался Шергазы – сын старого и мудрого Жээренчэ. Атаке сам вручил приз победителю, но при этом недовольно поджал губы – Шергазы ему не нравился.

Этот джигит прославился храбростью и силой, но, по мнению Атаке, был слишком беспокойным человеком. И слова он часто говорил такие, какие уже давно перестал высказывать его отец. И еще – старый бий не хотел в этом признаться даже самому себе – потому не нравился Шергазы, что рос вместе с Айгуль и люди говорили, будто их когда-то связывала нежная дружба.

Наконец, в большой белой юрте Атаке собрались бии, аксакалы и батыры.

Первым слово взял сам чон-бий Атаке.

– Я пригласил вас, уважаемые, чтобы обсудить, как нам жить дальше. Вы знаете, сколько горя и бедствий принесли нам походы калмакских ханов. Теперь калмаков нет, но вместо одного старого врага появилось три новых. С Восхода нам угрожают победители калмаков, воины страны Цин. Эти люди носят длинные косы, но у них совсем не женские замашки. Жестокость их не знает предела; посмотрите, как они расправились с могущественными калмаками! Их юрты сожжены, все люди поголовно убиты, скот угнан. Такая судьба грозит и нам...

Аксакалы зашевелились, но никто не перебил великого бия.

– А с Заката? Мы, старики, помним, сколько бедствий претерпел наш народ от Ирданы – правителя западных земель. Теперь в Коканде правит Нарбута-хан. Он как волк глядит по сторонам: нельзя ли где задрать соседскую овцу заодно с хозяином. Уже прогнаны сарбазы в Кетмень-Тюбе. Тамошние родичи наши еле отбиваются.

Кто-то поддерживал говорившего:

– Так! Верно говоришь!

– А со стороны холодных ветров? – продолжал старый бий. – Там нас караулит не меньшая беда. Джигиты Аблай-хана много раз приходили в наши края со злобой в сердце и с оружием в руках. Разве мало кыргызов сложило головы, защищая наши кочевья? Путь Аблай-хана отмечен могилами наших детей и братьев... – Голос Атаке пресекся. Все опустили глаза: да, там в горах, у пропастей Шаты, лежит в земле Карабек, сын бия, павший от руки казахского хана.

Справившись с собой, Атаке продолжал:

– Теперь повадился к нам барымтач Бердыкожо. Степной волк режет наши отары. И не видно конца крови, войнам, пожарам...

Атаке отпил из чаши – горло быстро уставало от длинных речей.

– Что же делать? – спросил он и, подождав, сам ответил: – Против сильных врагов надо искать сильных союзников! Думайте, почтенные, думайте!

... Долго шел жаркий спор в белой просторной юрте великого бия Атаке, правителя правого крыла кыргызского народа. Аксакалы и батыры высказывали разные мнения. Одни предлагали в союзники Старший жуз, другие – Средний. Но находились возражающие: казахи сами между собой воюют, одни нас грабят, другие с нами заодно, а что толку? Султан Букей еле отбивается от барымтачей и вынужден искать покровительства у белого царя орусов. Говорят, даже направил к ним своих послов.

Кто-то робко предложил Бухару. Но его сразу заглушил возмущенный ропот:

– Бухарцы слабы! Они не станут ссориться ни с Коканом, ни с казахами!

– Одного волка менять на другого!

Перебрали всех соседей – и ближних, и дальних. И тогда Жээрэнчэ предложил подумать о русских.

– Купцы говорят: нет правителя могущественней белого царя. Его сарбазы вооружены ружьями и пушками. Перед ними не может устоять никто! Знающие старики вспоминают, что много-много лет назад даже калмакский хан отправлял своих людей к белому царю с просьбой о подданстве.. А ведь он был силен и разорял кочевья наших дедов!

Разговор сразу оживился:

– Говорят, орусами правит не царь, а женщина, царькатын, – заметил один.

– Э, – возразил другой. – Разве добрая верблюдица не лучше хромого жеребца?

Разные мнения высказывались на этом совете.

– Стыда нет у этого Жээрэнчэ! Ак-падыша капыр, а мы мусульмане!

– Эй! Бирназар, ты даже не помнишь имени пророка. Ну-ка скажи, кто у нас пророк?.. Молчишь, правоверный? То-то! И не ты ли, Шапаке, приказал молдо на месяц перенести праздник курбан-айт, потому что у тебя болел живот? Такого никакой капыр не придумает. Так вот, казахи, принявшие подданство орусов, мусульмане не хуже нас. Они живут спокойно в своих аилах, скот их множится и жирет... Надо, надо и нам отправлять послов к орусам.

– Ни люди Цин, ни Нарбута-хан, ни Бердыкожо не оставят нас в покое! Пора самим искать союзников! Как говорится: ребенок не заплачет – грудь не дадут...

Сказал Жээренчэ:

– Лисица, которая много петляет, подохнет с голоду. Долго выбирающему достается плешивая жена. Хуже, чем сейчас, нам уже не будет. Если мы примем подданство орусов, враги не осмелятся продолжать свои злодеяния. Но это еще не все, почтенные! Сейчас Большой караванный путь проходит по землям Среднего жуза и тамошние бии получают хорошие подарки от купцов. Им же продают кожу, баранов, лошадей. И у них же покупают – с первых рук! – Все, что самим нужно: бархат, парчу, камку, ножи, топоры, казаны... А нам все это достается через третьи руки, за тройную цену. Справедливо ли это?

Присутствующие качали головами: нет, несправедливо.

– Если же мы договоримся с орусами, чтобы их торговые караваны шли в Яркенд и Кашгар через наши земли, то все выгоды, которые получают люди Вали-султана, достанутся нам. Одни достаточно обогатились, теперь черед других. Справедливо ли это?

– Справедливо! – с энтузиазмом отвечали вожди племен.

– Теперь вы сами видите, почтенные: все обстоятельства за то, чтобы мы заключили союз с орусами! Принимайте подданство белого царя!

– Но согласятся ли оруссы изменить караванный путь? – подал кто-то голос.

Жээренчэ хитро прищурился:

– Нет такого купца, который не хотел бы вместо одной прибыльной поездки сделать две. А от людей, много лет занимающихся торговлей, мы слышали: путь из страны орусов через наши земли в Кашгар вдвое короче, чем тот, которым ходят сейчас. Все от нас зависит: станем мы подданными ак-падыша, значит, будут ходить караваны, если же нет – прибыль будут, как прежде, получать другие.

Присутствующие довольно кивали головами: ай да мудрец Жээренчэ! Обо всем подумал! Всех убедил! Оруссы непременно должны согласиться на новый караванный путь.

Наконец слово опять взял сам Атаке. Он говорил тихо и медленно. Много горечи чувствовалось в его словах и много боли.

– Старые ырчы говорят: когда-то кыргызы были могучим народом. Слабость наша сегодня в том, что кони наши держат путь в разные стороны... Если бы сорок племен дружно обрушились на врага единым кулаком – кто смог бы устоять против нас? Кто говорил бы о подданстве? А вы, почтенные, и здесь грызетесь, как собаки из разных аилов. И дело не в том, одного или трех баранов отдадите вы купцам... Гибнет целый народ... Спроси любого из вас: «Кто вы?». Ответите: «Солто, саяк, бугу...». Никто не скажет гордо: «Я – кыргыз, сын кыргыза и внук кыргыза».

Он окинул собравшихся орлиным взором и закончил курултай словами:

– Будем отправлять послов к Белому царю!

Послы

Кого назначить послом в далекую неведомую страну? Нужен был, во-первых, почтенный человек. Во-вторых, опытный, повидавший немало чужих земель. В-третьих, умный и рассудительный. И, в-четвертых, чтобы этот человек согласился пойти навстречу опасностям, которые всегда подстерегают путника в чужих краях.

Где взять такого?

Почтенных людей было много. Но они мало что видели кроме родных гор, долин и ближайших соседей. Умным и рассудительным считал себя каждый. Но где взять безумца, пожелавшего бы расстаться с родным кочевьем, родичами, женой, детьми и пуститься в неизвестное!

И тогда Жээренчэ предложил кандидатуру Абдурахмана Кучакова, ташкентского купца, которого большинство присутствующих хорошо знали в кыргызских кочевьях и уважали за честность, тактичность и ум.

Верховный правитель добавил только:

– Надо послать и от простых людей... Какого-нибудь храбреца...

Многие тут же стали предлагать любого из своих джигитов, но Атаке сказал:

– Я думаю, лучше всего подойдет сегодняшней победитель Шергазы... А в услужение послам я дам своего кула, полученного в приданое за женой. А раб из народа кытай будет служить верно.

Жээренчэ метнул на своего вождя удивленно-встревоженный взгляд. Об этом они не договаривались.

Пригласили старого Абдурахмана Кучакова. Предложили поехать послом. Всячески улещивали. Он согласился.

Каждый из путешественников готовился к долгому пути по-разному.

Абдурахман Кучаков под диктовку Атаке писал дипломатические письма. Потом делал подробные наставления сыну Сатынбаю: как жить-быть, как вести торговлю.

Шергазы уехал на охоту.

Раб-цинец готовился тоже. В камышовую корзинку он сложил свое жалкое имущество, начертал на лбу имя Тай И – Великого Духа Севера, помолился (мысленно, за неимением храма) духу предков. Потом улучил минутку и сказал младшей жене бия грустно:

– Никогда я больше не увижу Цветочный чертог (так он называл юрту Айгуль). Никогда не увижу повелительницу, живущую в нем!...

– Пусть хранят тебя добрые духи, – отвечала красавица. Черные глаза ее потемнели еще больше и смотрели печально.

В походные сумы было уложено немало провизии. Хоть и говорит пословица: «Пицца джигита на дороге», но ведь путь их пройдет по чужим землям, среди опасностей, как то их там встретят? Чем накормят?

В ночь перед отъездом старая мать Шергазы долго молилась. Сердце ее, как сердце всякой матери, сжималось при мысли о долгой разлуке, мерещились всякие ужасы, подстерегавшие ее сына в пути.

– Один сын у меня! – страстно просила она бога. – Верни же мне его целым и невредимым!

И в ту же ночь в Цветочном чертоге жарко молилась юная жена Атаке-батыра. Молилась она не мусульманскому Аллаху, а древним народным божествам: Тенгри –

Вечному Небу, Умай – матери... И просила она не здоровья и долголетия своему старому мужу. Она молила доброго духа Кыдыр-ата оказать покровительство путникам в трудной дороге. И особенно просила за одного из них – чтоб Кыдыр-ата дал ему силу и здоровье, чтобы отвел от его головы руку врага... Но имени его даже в молитве не называла.

Наутро провожать послов высыпал весь аил – от мала до велика.

Несмотря на теплую погоду, на плечи Атаке был накинут кементай – белый войлочный плащ с рукавами, какие обычно носят пастухи. Бию нездоровилось. Однако могучая воля не позволяла недугу взять верх. Он окинул послов и толпу острым взглядом из-под нависших седых бровей. Вот и свершается сегодня важнейшее дело – начало нового пути. Что-то оно принесет его народу?...

Отъезжающие уже сидели на конях. Все были празднично одеты в свои лучшие наряды. Даже раба-цинца принарядили как следует.

Настало время прощаться, и Шергазы запел прощальную песнь – коштошу. В ней он упоминал родной край, зеленые горы Ала-Тоо и благодатную долину; трогательно попрощался с отцом, матерью и сестренками. А под конец упомянул любимую, не назвав ее имени.

Атаке сердито насупил брови: кого имеет в виду джигит? Скорей бы уж уехали...

Наконец бий поднял правую руку:

– Кош! До свидания! Счастливого пути!

– Кош! Кайыр кош! – кричала вразнобой толпа.

Трое всадников и с ними отряд провожатых-джигитов (до границы владений) сказали: «чу!», и тронули коней.

Первое кыргызское посольство в Россию начало свой путь...

В пути

Они ехали по бескрайней казахской степи и день, и два, и неделю. Шергазы, не бывавший нигде дальше своих гор, не переставал удивляться. Такой простор! Даже не верилось, что это явь. Глазу, привыкшему останавливаться на

знакомых горных пиках, теперь не за что было зацепиться в безбрежности степного простора.

Степь начинала выгорать. Но еще свистели кое-где на бугорках суслики, и тень степного орла не раз проносились по земле, пересекая их путь.

Иногда вдали возникали скопления то ли лошадей, то ли людей... Шергазы весь напряглся и хватался за лук. Но опытный Абдурахман Кучаков успокаивал: это сайга. Несметные сайгачьи стада бродят по казахским просторам.

Через земли султана Букея ехали не таясь. Их доброжелательно принимали во встречаемых аилах. Закон гостеприимства священен для любого кочевника.

Но потом начинались степи, контролируемые ордой Вали-султана. Тут уж приходилось держать ухо востро. Не раз путники поспешно уводили свой маленький караван в какой-нибудь ложок или прятались за холмиком, завидев вдали черные точки – всадников.

...Больше месяца двигалось посольство на север, а великая степь все не кончалась. Но вот на горизонте замаячили темные линии – то были сосновые боры. Чем ближе, тем явственнее вставала стена сибирских лесов. И, наконец, путники увидели срубы крепости Святого Петра.

... 23 августа посольство прибыло в Омск. В конце XVIII в. Российская империя поддерживала связь с народами Средней и Центральной Азии через ожерелье пограничных крепостей и городков, начиная с Оренбурга, а конец терялся далеко-далеко на востоке, в Сибири. Омск тогда представлял собою заштатный городишко. Но Шергазы, не выдавший даже кокандских глинобитных укреплений, был поражен. Когда он поделился своими мыслями с Кучаковым, тот покачал головой:

– Бухара, Коканд, Хива еще больше...

О прибытии гостей доложили самому начальнику Сибирских линий генерал-майору Н.С.Федцову. Тот был немало удивлен появлению посланцев неведомого народа и срочно навел справки. Посоветовался с генерал-поручиком Н.Г.Огаревым, командиром Сибирского драгунского полка. Огарев послал за капитаном И.Г.Андреевым – знатоком

истории кочевых народов. (Знали бы посланцы, что за месяц с небольшим до их приезда в Семипалатинске побывал их непримиримый враг, степной батыр Бердыкожо, и даже имел беседу с капитаном Андреевым!).

В назначенный час полномочные посланники в живописных костюмах вручали генералу Федцову – «самому большому начальнику» – подарок: двух коней и свою «верительную грамоту» – письмо от бия Атаке. Чтобы не было сомнения, Кучаков несколько раз указал пальцем на свиток, повторяя:

– Пчать! Чырнылна!

Толмач поспешил разъяснить:

– Он желает сказать Вашему Превосходительству: на письме проставлена чернильная печать, что свидетельствует о его подлинности.

– Понимаю! Понимаю! – благожелательно говорил Федцов. – Скажи уважаемым послам, что мы рады видеть их в пределах Российской империи.

Толмач зачитал заранее приготовленный перевод текста. Он гласил:

»Управляющему в делах Ея Императорского Величества господину генералу от происшедшего родом из славных и чиновных людей, бывших при древних царях Соломоне и Александре Македонском, а ныне по колену рода своего управляющего народом диких киргисцов Атики-батыря Тянейбиева сына, свидетельствую поклон. И посылая с моими людьми Абдрахманом и Ширгазой двух Вам лошадей, прошу сию первую мою услугу благосклонно принять, а о будущих и непременно старатся оказывать оные, штоб вы уверительно их знать могли, затем с оными же Абдрахманом и Ширгазой отправил я к поднесению Ея Императорскому Величеству три барсовые кожи и пять рысьих. Желая чрез их знать о высочайшем здравии Ея Величества. Во уверение чего к подлинному письму приложена чернильная ево печать».

Генерал слушал стоя, что, по мнению Кучакова, являлось знаком большого уважения к послам Атаке. Он был доволен. Жестом, исполненным достоинства, пропустил свою седую бороду сквозь пальцы.

– Сколь горестно мне, что я не знаю языка орусов! – вырвалось у посла. Он долго что-то говорил толмачу, поглядывая на генерала.

– У сих депутатов есть и второе письмо от ихнего князя, – перевел толмач.

– Где же оно?

– Старик говорит: написано для самой государыни. И послы желают принести его, а также подарки, к стопам Ее Величества.

– Зело трудную задачу нам задали, – проговорил генерал, ознакомившись с содержанием и второго письма. – Представить их ко двору не так просто. На сей предмет требуются изрядные размышления.

И в Петербург полетел курьер с донесением о необычном посольстве.

27 октября 1785 г. из столицы прибыло распоряжение от генерал-прокурора Правительственного Сената князя А.А.Вяземского об отправке послов к императорскому двору.

Губернаторская канцелярия заработала с похвальной быстротой. Теперь заторопилось само начальство. Для послов выделили «на прогоны и на путевое их содержание из заграничной суммы 320 рублей». В качестве сопровождающего приставили адъютанта Сибирского драгунского полка поручика Ивана Сипайлова с денщиком и драгуном. Поручик тоже получил сто рублей «из курьерской службы».

Сипайлова назначили на эту должность, поскольку «он родом из-под Уфы, хорошо знает казанских татар, башкирцев. И с киргиз-кайсаками беседы ведет без толмача. Речь же дикокаменных киргиз схожа с кайсацкой...»

Не мешкая, посольство отправилось в путь через всю Россию.

На дворе стоял ноябрь, по утрам сильно подмораживало, но санный путь еще не открылся.

Многое удивляло Шергазы в чужой стороне. Но больше всего удивляли пространства, еще более огромные, чем степи Казахстана. Впрочем, удивлялся не только Шергазы. Сам Абдурахман Кучаков, немало путешествовавший на своем веку, тоже смотрел по сторонам во все глаза и не раз

в изумлении качал головой: нет, не зря решил бий Атаке принять подданство царя орусов! Кто на свете владеет большими землями, чем он?

***

А в это время на далекой родине Шергазы, в благодатной долине реки Чу осветили ночной мрак костры пожаров, тишину разорвали дикие воинственные кличи, остервенелый хрип собак, отчаянные вопли женщин и детей...

Джигиты Бердыкожо напали на кыргызские кочевья...

Петербург

В Петербурге Сипайлов тотчас отправился по начальству с докладом. В тот же день гостей поместили в апартаменты, убранные в «восточном стиле». У русских чиновников уже был некоторый навык: совсем недавно им пришлось так же обставлять помещение для Сыр Батыр Султана – «депутата» от Среднего жуза казахов.

Итак, жизнь в Петербурге началась. Стоял январь, но в комнатах было тепло – о посольских удобствах заботились специально приставленные слуги. Один приносил вязанки дров, другой топил. Толстая рябая баба, подоткнув длинный подол, наводила чистоту. За доставкой свежих и хорошего качества продуктов следил чиновник. За все платили хозяева – русские власти. Сведения о том, сколько было истрачено на содержание посольства в пределах империи, хранят архивы.

Сипайлов водил гостей знакомиться со столицей. С утра плотно завтракали (от стряпухи отказались: готовил им свой повар – цинец).

Затем, одевшись потеплее, отправлялись бродить по улицам.

Вид Невской перспективы и особенно Адмиралтейской иглы вызвал у Кучакова восхищение. Он сказал Сипайлову, что подобной высоты не видел ни в Бухаре, ни в Хиве.

– Наверное, на вершине той пики, – старый купец показал на шпиль, – отдыхают арваки – добрые духи, когда устают летать.

Шергазы быстро пообвык в столице. Чаще всего его можно было видеть на Царицыном лугу, где проходили воинские учения. Четкие, слаженные действия батальонов с хорошими ружьями и грозными пушками приводили его в восхищение. «Эти быстро успокоили бы всех наших недругов», – думал он. К бастионам Петропавловской крепости Шергазы отнесся весьма скептически:

«Разве наши горы ниже или менее круты? Но они не могут защитить кыргызов. Сила русских не в крепостях. Нет, не в крепостях».

Россия в те годы чувствовала себя на международной арене весьма уверенно. Успех русского оружия на полях сражений утвердил за ней славу сильнейшей державы мира. Еще в царствование Елизаветы Петровны был разбит считавшийся ранее непобедимым Фридрих Второй прусский. В последующих войнах турки потерпели много сокрушительных поражений. У всех на устах были имена Румянцева, Суворова. Два года назад Россия наконец-то получила долгожданный выход к Черному морю. К ее владениям был присоединен Крым. Послы европейских держав при дворе Екатерины отталкивали друг друга локтями. Празднества, фейерверки и торжественные приемы-балы во дворце ослепляли иностранцев.

А на необозримых пространствах надрывалась в каторжном труде крестьянская Россия, чтобы создать все это великолепие и выковать эти победы...

Перед аудиенцией

Прошла весна, а за ней – и лето, наступила осень. А послов все не приглашали к царице. Сипайлов сунулся было узнать, ему ответили: когда надо – позовут.

Конечно же, о послых помнили. Но главное внимание России было направлено на «ближние» дела: отношения с европейскими державами и войны с турками. «Азиатский вопрос» стоял на втором месте и многое в нем было неясно.

В конце XVIII в. в казахских степях отношения между отдельными родами и племенными группировками внутри орд были весьма запутанными. Двор не забыл об участии

казахских отрядов в «бунте Пугачева». А три года назад в Младшем жузе разгорелось восстание кочевой бедноты против хана Нурали и богатой верхушки, а также против русских властей. («Малая орда», как именовали казахов Младшего жуза российские чиновники, приняла подданство в 1731 г.).

Повстанцы, возглавляемые Батыр Срымом, нападали на русские военные отряды и пограничные крепости, грабили купеческие караваны.

Правитель Среднего жуза Вали-султан выступил против бунтовщиков. В письме к царице от 25 октября 1784 г. он заверял ее в своих верноподданнических чувствах и обещал «истребить непотребных воров и разбойников».

За казахскими степями лежала Средняя Азия – клубок запутанных противоречий. Там вообще для российских политиков было «белое пятно». Еще при Петре I предпринимались попытки установить дипломатические отношения с тамошними эмиратами и ханствами, распространить русское влияние на эти земли.

Известны слова Петра I о значении Казахстана (следовательно – и Средней Азии) в развитии связей России с азиатскими странами: «Оная-де орда потребна под Российской протекцией быть, чтоб только через их во всех Азиатских странах коммуникацею иметь и к Российской стороне полезные и способные меры взять».

Но за дальностью расстояния и каждодневными насущными делами – на европейских границах – все эти начинания заглохли на долгие годы.

Екатерина, мнящая себя преемницей великих дел Петра, проявила интерес и к далеким восточным странам. Инициатива исходила со стороны казахов, кыргызов и среднеазиатских правителей. Но и Россия не оставалась равнодушной. В мае 1784 г. Екатерина II писала собственноручно князю А.А.Вяземскому, что посланцев казахских ханов Малой и Средней орды следует привечать, а в письме генерал-губернатору Уфимскому и Сибирскому Апухтину рекомендовала: «...весьма нужно, чтобы вы имели при себе... депутатов от орд киргизских, в том числе одного из султанов и некоторое

число из старшин разных начальств или поколений, чрез коих могли бы всем получать от их начальников известия, ваши советы и предписания чрез них сообщать... Стараться большую киргиз-кайсацкую орду каракалпаков приласкать и обратиться в подданство наше... иметь попечение о приведении в безопасность границ наших и о всевозможном обуздании народов диких..., заведя там знакомства и всевозможные связи, дабы всегда знать все тамошние происшествия».

... Граф Александр Андреевич Безбородко, непомерной полноты мужчина, переваривал изысканный обед, удобно погрузившись в вольтеровское кресло.

У стола с кипой бумаг в руках почтительно стоял советник императорской канцелярии Илья Муратов, чиновник весьма исправный и старательный. Муратов был умен и знал, какое время выбрать для доклада: сиятельный граф, ближайшее доверенное лицо императрицы и фактически руководитель всей российской политики, слыл великим гурманом и, как все гурманы, после хорошей трапезы приходил в благодущное настроение, не придирался к мелочам.

Доклад по его поручению о «дикочаменных киргизцах» (то есть, проживающих за диким камнем, за горами) Муратов приготовил в кратчайший срок и боялся, не сделано ли каких упущений: пришлось перерыть все архивы, горы бумаг, со времен Петра Великого.

Доклад шел уже минут двадцать – монотонно, усыпляюще... Чиновник изредка вскидывал глаза на вельможу. Тот, закрыв глаза, мирно дремал: в такт тяжелому дыханию на огромном брюхе поднимался и опадал орден, усыпанный бриллиантами. Но опытный Муратов хорошо знал: граф не пропускает ни одного слова, ни одного нюанса.

»В генваре 1722 г. из Москвы повелением государя Петра Алексеевича направлено посольство капитана от артиллерии Ивана Унковского к калмыцкому владельцу, контайше..., – читал Муратов. – А в задачу оного посольства входило тако же определение пути, по коему могла быть проложена коммуникация с Сибирью, особливо же водяным путем...»

Солнечный луч из окна засветился в орденских бриллиантах и тоже стал опускаться-подниматься в такт дыханию вельможи.

Илья Муратов почувствовал, как и на него неудержимо наваливается дремота: ноги стали ватными, в голове тонко звенело, буквы перед глазами сливались в кляксы, и язык заплетался...

»... Он, контайша, бухарцев, живущих в городах Эркене, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городках, под свою власть привел... К тому же народом, именуемым бурутами, завладел, которые кочуют около озера, именуемого Тускель, и с Казачей ордою граничат. А оных бурутов около 5000 кибиток находится, а войска их около 3000 доброго собраться может...»

Безбородко чихнул – гулко, богатырски: зазвенели стекла в окне, солнечные зайчики метнулись с брюха и пропали. Илья Муратов чуть не выронил бумаги. Прозвучал сильный голос:

– А кто такие сии буруты?

Муратов выпрямился, захлопал глазами. Сон у него как рукой сняло:

– Буруты суть киргисцы...

Безбородко поворочался в кресле, устраиваясь поудобнее, откашлялся.

– Ты, хлопче, поешь, как дьяк на клиросе, – сказал граф. – Бу-бу-бу... Ты по делу говори, а разные разности оставь господам архивариусам. Так что там Унковский пишет о бурутах еще?

– Окромя этого больше ничего, ваше сиятельство... Однако же есть чертеж бурутских земель, сочиненный геодезии учеником Григорием Путиловым. Оный Путилов состоял при посольстве Ивана Унковского.

И Муратов протянул графу «чертеж» – первую карту кыргызских земель, составленную русским. На ней было изображено озеро «Тускель» («Иссык-Куль»), а также реки Чу, Тюп, Джергалан и территория к северо-западу от ойратских владений, между Иссык-Кулем и Балхашом, – здесь кочевали кыргызские племена.

Илья Муратов протянул второй лист бумаги:

– А вот еще чертеж...

Это была более правильная географическая карта Киргизии, сделанная в 1765 г.

– И еще...

Третья карта была скопирована в 1771 г. с предыдущей.

– А этот последний чертеж сделал Иван Ивлев в 1777 г. по самым новым сведениям...

На четвертой карте значились и озеро Иссык-Куль, и реки Чу, Тюп, Нарын, Тамга, Кашгар. Западнее Иссык-Куля по течению реки Нарын отмечены были кочевья кыргызов – «буруты».

– Вот и дал бы последнюю сразу, – ворчал Безбородко. – Ага! Так, так! Буруты имеют пограничную линию с киргиз-кайсаками... Не одного ли они корня?

– Так, – подтвердил Муратов. – Смеею зачитать для Вашего Сиятельства малую толику, относящуюся к сему народу из сочинения унтер-офицера российской армии Филиппа Ефремова...

– Слышал, слышал об Ефремове! – перебил граф. – Весьма удивительной судьбы человек. Книжку его я просматривал, да как-то не запомнил касательно этих самых бурутцев... А ну, читай.

– «Киргизы обитают не в самой Бухарии, а близ оной, между городами Уш (Ош) и Кашкарием... По-бухарски киргиз – кыргыз; киргиз-кайсак же – казах...»

Муратов выписал из книги Ефремова все, что касалось кыргызов, и закончил выписку словами: «Они имеют своих князьков».

Безбородко внимательно слушал.

– А каковы отношения между бурутами и кайсаками?

– Со Старшей ордой у них дружба, а с ордой Вали-султана учинена вражда со времен отца его: Аблай-хана. Друг на дружку набеги совершают с угоном скота и разорением кочевий.

– Так, так, – задумчиво проговорил Безбородко. – А кто таков Атекай-батыр? Велика ли фигура?

– Из Омска с фельдъегерем пришло донесение от генерал-поручика Огарева. Составлено знатоком тех народов капитаном Андреевым. «Народ киргизов обитает в горах Ала-Тау, в верховьях Сыр-Дарьи, в полуденной части от Кокана и Кашкарии. Имеют довольно лошадей, скота, изо-

бильное хлебопашество... Ежели оным збиратца на войну, то выставляють до 50 тысяч...»

Далее из доклада явствовало, что бий Атекай – владелец весьма могущественный и управляет десятью волостями; бии – князья этих волостей признают его за старшего.

– Изрядно! – резюмировал граф, выуживая из золотой табакерки понюшку табаку. – А-а-ппчхи! А посему пиши: «Людей оного бия Атекай считать как депутатов...» Пожалуй, нынче пора доложить о них государыне...

«Считать как депутатов» – это означало, что послов бия Атаке ставили в один ранг с послами других «владельческих особ»: казахского султана Букея, хивинского хана и бухарского эмира.

И опять потянулись дни ожидания.

– Почему не принимает нас Белая царица? – спрашивал Шергазы.

– У государыни знаешь сколько дел? – не моргнув глазом отвечал Сипайлов. – Европейский политик дыхнуть не дает! Надысь француз неделю толочся, а теперь цесарские послы... Кофеи из-за них выпить некогда! Погоди маленько, придет и наш черед.

– Бухарский эмир и кокандский хан против Белой царицы – что суслики против верблюдицы, а от них дожидаются слова по три-четыре луны, – успокаивал Кучаков. – Ты сам видел необъятность земель, по которым мы проехали. А ведь это, говорят, только половина.

Шергазы и сам подумал: если царь-катын день и ночь будет ехать крупной рысью, и тогда на хозяйский осмотр всех владений ей потребуется много-много сезонов. Он тяжело вздохнул.

Как-то вечером, спустившись во двор, раб-цинец услышал пение. Он тихонько пошел в сторону дворницкой. Там, подняв лицо к ночному небу, Шергазы тянул песню-жалобу – арсан. Молодой джигит пел о белом соколе, которого занесли могучие ветры в дальнюю-дальнюю сторону. А там, на родине, в зеленой долине среди гор осталась перепелка... нет, черноглазая соколица, схваченная старым беркутом... И никогда уже не встретиться с ней соколу...

Цинец стоял, слушал, сочувственно покачивая головой. Потом дотронулся до его плеча:

– Эй, Шергазы-господин...

Шергазы обернулся.

– Я давно хотел тебе сказать...

Цинец запнулся на минуту:

– Как ты думаешь, почему отправил меня бий Атаке сюда, на край света?

Шергазы пожал плечами:

– Откуда мне знать? Ты – кул, и бий волен делать с тобой все, что захочет.

– Уй, – возразил цинец. – Твоя правда – только половина правды. Великий бий Атаке – человек справедливый. Он даже своего раба не накажет без причины. Глаза старого беркута заметили, что я часто кружил около юрты красавицы Айгуль. Вот он и заподозрил неладное... А теперь я в краю орусов, моя родина далеко, и не вернуться мне назад... Отсюда я пойду к желтым истокам...⁵

Цинец говорил печальные слова, но глаза его улыбались. Шергазы вздохнул:

– Чего же ты хочешь?

– Цинец наклонился к уху Шергазы, как-будто их могли слышать:

– Скажи два-три слова аксакалу: пусть он скорей подарит меня Белой царь-катын!

Аугиенция

Год 1786-й подходил к концу. И вдруг пришло повеление от графа Безбородко готовиться к приему у императрицы.

Безбородко устроил так, чтобы о кыргызском посольстве узнали европейские дипломаты, аккредитованные в Петербурге. Вот, мол, каков авторитет России в азиатских землях!

Императрица приняла послов благосклонно. На просьбу о покровительстве России был дан положительный ответ. Правда, об этом мы можем судить лишь по косвенным дан-

---

⁵ То есть в загробный мир (китайское выражение)

ным: подробные материалы о переговорах наши архивариусы пока что не обнаружили.

Но сохранился подлинник письма Атаке-бия, которое посланцы на приеме и вручили Екатерине II. Толмач тут же с листа его и перевел.

«Вашему Императорскому Величеству Всемилоостивейшей государыне всеподданнейше доношу, што как вышеописанных предков моих оказываемые державе Вашего Величества услуги, поколику сил их было, а также ныне и мной Атике Тянейбиева сына посредством препровождения в Россию купеческих ташкентских караванов. Дабы известно было, чево для к Вашему Императорскому Величеству послал я при караване одново арапа, три барсовые кожи и пять рысских, а препровождение их двух человек, моих людей Абдрахмана и Шергазю, чрез коих всеусерднейше желаю знать о высочайшем здравии Вашего Императорского Величества».

Екатерина была растрогана бесхитростной наивностью какого-то затерянного далеко в поднебесных горах бия. И милостиво отдала своих будущих подданных.

От имени императрицы бию Атаке были переданы 800 рублей серебром. «Отдарки» получили и сами послы: Кучаков – 100 рублей, Шергазы – 25.

Вечером, сидя у себя в теплой комнате, Абдурахман Кучаков довольно оглаживал бороду: ведь письмо-то писал он сам, правда, под диктовку бия и его советника Жээрэнчэ. Но немало слов подсказано было и им самим, опытным в обращении с правителями. Весь текст он помнил наизусть: «Вашему Императорскому Величеству государыне всеподданнейше доношу, што как вышеописанных предков моих оказываемые державе Вашего Величества услуги...» и т.д.

Что касается Шергазы, то он был несколько разочарован. Царь-катын оказалась обыкновенной байбиче, еще совсем не старой и довольно красивой. И была она вся действительно белой: щеки обсыпаны мукой, пышная грудь цвета горного снега наполовину оголена и на голове – высоченная прическа из совершенно белых волос.

Так же выглядели и другие женщины, которые попадались ему на глаза во дворце.

А сколько было знатных ханов, султанов и биев на приеме! Сколько на них блестело всяких украшений! И все они склонялись перед царь-катын, даже самые здоровенные, хотя выглядела она среди них совсем маленькой!

О, аллах, каких только чудес не бывает на свете!

23 января 1787 г. выздоровевший князь А.А.Вяземский по распоряжению и от имени императрицы России написал письмо кыргызскому правителю:

«Почтенный Этеке Багадур. Получа дружественное ваше письмо...»

После аудиенции

Теперь пора бы и домой. Но случилось одно непредвиденное обстоятельство.

Последнее время глава посольства стал прихварывать. То ломало кости на сырую и холодную петербургскую погоду, то одолевал кашель. Все чаще старик проводил время на стопке одеял, укрытый теплым тулупом – подарком Сипайлова. Приходил ученый лекарь в парике, со стекляшкой на палочке. Он долго разглядывал через стекляшку высунутый язык аксакала, прикладывал ухо к груди. Потом принесли кучу лекарств, и лекарь велел хорошенько напоить старика чаем с малиной, да не выпускать на улицу.

Уже поступило предписание от самого графа Безбородко отправить послов на родину. Сипайлову выданы прогонные деньги на посольский харч и прочие дорожные расходы.

Но хворь совсем одолела старого Абдурахмана. Доктора махали руками, услышав о предстоящем отъезде. При теперешнем состоянии больного на родину смогут привезти только его тело, душа же, без сомнения, изберет другой путь – на небеса.

Тогда высокое начальство решило известить Атаке-батыра о результатах переговоров через свое собственное посольство. Было дано указание в Омск. И вот в октябре 1787 г. ответное письмо ушло из Омска в путь-дорогу вместе с торговым караваном казанского купца Абдурахмана Нурмаметова. Драгоценное послание, зашитое для верности в пояс, вез сам караванбаши Муслюм Агаферов, доверенное лицо хозяина.

Караван благополучно достиг кочевий Атаке «по Чуй-реке и Иссу-Су называемом месте». Слух о прибытии посольства с письмом от Белой царицы тотчас распространился по всей долине. Съехалось много народу. Муслюм Агаферов торжественно вручил послание великому бию, и оно было зачитано вслух. «Атаке был очень рад и весел и все сие объявил всем своим подвластным, и сверх того благодарил за привоз такой радостной вести Муслюма Агаферова. И приказал сделать ему надлежащее по их обычаю угощение, зарезал барана и сим угощал...»

Агаферову поставили отдельную юрту, вручили подарки за приятную новость – суйунчу. Когда пришло время, его проводили до кыргызов солтинской волости, где он занялся своими торговыми делами и оттуда отправился в кочевья Адиль-султана (из Среднего жуза казахов).

Новости распространяются от кочевья к кочевью со скоростью иноходца. Слухи о караване дошли и до врагов Атаке. Они съехались на совет, на нем присутствовали задиристые барымтачы-теленгуты Ак-Кочкор и Таир-Берды. И было принято очень важное решение. Оно, как оказалось впоследствии, сыграло роковую роль в отношениях между кыргызами Атаке и Российской империей.

Атаке не стал дожидаться возвращения своих первых послов и в конце лета 1788 г. отправил с попутным караваном новое посольство, прибывшее в Омск 2 августа. В письме на имя Екатерины II Атаке просил сообщить о судьбе Кучакова и Шергазы и, «если они живы, ко мне обратно отправить».

Между тем 14 сентября кыргызские «депутаты» наконец-то выехали из Санкт-Петербурга в сопровождении все того же поручика Сипайлова.

В Сибири

23 декабря прибыли в Петропавловскую крепость. Здесь их встретил изнывавший от ожидания Сатынбай – сын Абдурахмана. Радостным восклицаниям и взаимным расспросам не было конца.

Тут Шергазы узнал важную новость: знаменитый степной батыр Бердыкожо сложил свою голову при очередном набеге на кыргызские земли в январе 1786 г.

Выслушав сообщение о смерти могущественного врага, Шергазы впервые за последние полгода улыбнулся. Он помнил, как просыпался аил от яростного лая собак, боевых кличей и многоголосого вопля женщин: «Кокуй! Бердыкожо!»

Однако Шергазы не думал, какие вопли поднимались в казахских аилах, когда налетали кыргызские удальцы-барымтачи. А ведь он сам не раз участвовал в подобных набеггах.

Старый же Абдурахман покачал головой. Хаживал он с товарами и в казахские степи и знал, какой там славный народ. Он представлял себе, как сейчас оплакивают в аилах своего героя, как седобородые акыны, звеня домброй, поют песни, прославляющие подвиги павшего, как джигиты седлают коней, чтобы в беспощадном набеге отомстить за смерть батыра...

Вторая новость оказалась совсем нехорошей. Старого Абдурахмана принял генерал-поручик Огарев и сообщил о жалобе от другого Абдурахмана – купца Нурмаметова. Оказывается, в конце 1788 г. караван его приказчика Муслюма Агаферова был ограблен.

– Ой, бой! – сказал Кучаков. – А много ли взяли?

– Двести лисиц, двести корсаков, десять барсов и десять рысей, волков шестьдесят... Товары немалые.

– Кто же пошел на такое черное дело?

Огарев ответил:

– Доподлинно ничего не известно, однако же купцы подозревают сыновей вашего бия Атаке: Солтоная да Байшугура.

– Не ошиблись ли почтенные купцы? – воскликнул Кучаков. – Разве могли дети такого отца совершить подобное?

– Э! – сказал присутствующий Нурмаметов. – И у белой коровы рождаются черные телята.

– Пусть большой начальник знает, – с достоинством сказал Кучаков. – Я тотчас напишу Атаке-батыру письмо, и если его род причастен к этому делу, то все убытки будут возмещены!

– Я тоже так полагаю, – сказал генерал Огарев. – Этекебатыр ратует за дружбу с россиянами и не станет ввязываться в непотребные дела. Посему я и велел передать ему новые подарки через твоего сына: пять аршин кармазину, голову сахара да башчу чаю.

Кучаков написал своему другу-повелителю письмо в том же январе 1789 г. Он докладывал, что «съездил благополучно», а также просил содействовать возвращению товаров.

Пока суд да дело Огарев продолжал обращаться с послами очень тепло и велел им «до их отъезда отвести хорошую квартиру и определить к присмотру (за ними) обер-офицера или надежного унтер-офицера».

Опять потянулись дни ожидания. Вот уж скоро четыре года, как Шергазы покинул родину. Сердце джигита грызла тоска. Ничто его больше теперь не интересовало. Ел без аппетита, во сне беспрестанно ворочался, а днем слонялся вокруг постоянного двора будто спросонья.

Изредка навещал старых друзей Иван Сипайлов. С его приходом Шергазы оживлялся на время, но гость уходил – и джигит опять впадал в апатию.

В левом крыле постоянного двора жил русский купец – осанистый, пузатый, с дремучей бородой до самых глаз. На пальцах у него Шергазы заметил много перстней. Сразу видно, богатый человек. Но джигиту – какое дело!

Однажды купцу приказчики доставили коня. Не конь – чудо! Из глаз огонь пышет, из ноздрей пар валит. Но жеребец оказался диким, необъезженным. Шестеро молодцов держали его, двое седлали. Когда же вздумали сесть – один за другим кубарем покатались на землю.

Купец, наблюдавший с крылечка, рокотал:

– Вороны! Да ты его коленками-то прижми, Степка, черт рябой! Э-эх, тебе только на корове ездить!

– На нем сам бес не усидит, – оправдывался Степка, потирая бока. – Бешеный. Али больной нутром.

Тут в широкие ворота въехал драгунский офицер на соловом коньке. Он соскочил и бросил поводья слуге; глаза его загорелись:

– Ого! Вот это сивка-бурка – вещей каурка! – восхищенно сказал он, разглядывая приплясывающего коня, которо-

го по-прежнему держали на растянутых ремнях конюхи. – А чей же это жеребчик?

– Мой, ваше благородие, – отвечал купец. – Конь-то хорош, да вот седока не находится подходящего: кто ни сядет, тот сразу и долой торчмя головой. У нашего Мишки одни синяки да шишки...

– Есть у меня человек, – сказал офицер. – Так он тебе эту клячу в один момент в позицию приведет. И не свалится ни разу.

– Ни разу! – притворно ахнул купец. – А ежели свалится?

– Говорю не свалится!

– Ну, а ежели?

– Бьюсь об заклад! – вскричал горячий поручик. – Не свалится!

– Эх, была – не была! – подхватил азартно купец. – Не пожалеею двадцати пяти рублей, только бы взглянуть на молодца.

Шергазы, увидевший в узенькое оконце своего друга Сипайлова, выскочил на крыльцо с радостной улыбкой.

– Эй, Шергазы-тамыр, – закричал тот. – Не возьмешься ли усмирить сего конька? Конь дикий, необъезженный.

Шергазы взглянул на жеребца.

– Тулпар! Тулпар! – прошептал он.

Больше он ничего не слышал и не видел – кроме скакуна необыкновенной стати. Почмокал, протянул руку. Жеребец скосил глаз и попятился. Шергазы перехватил повод и дал знак конюхам, чтобы отпустили веревки. И сделал еще два шага, что-то приговаривая ласковым голосом. Жеребец оскалился, прижал уши, потом запрядал ими. Все затаили дыхание.

– Ах! – вырвалось как из единой глотки: киргизец уже был в седле!

Что тут началось! Конь бил задом – и наездник почти ложился на круп, конь становился на дыбы – и всадник прижимался к гриве. Конюхи и приказчики сыпанули кто куда... А лихой джигит, издав дикий гортанный крик, уже вылетел за ворота... Только ошметки грязи полетели в разные стороны...

Когда Шергазы вернулся, скакун был весь в мыле, притихший, покорный. Зато всадник раскраснелся, зубы блестели в возбужденной улыбке. Апатию его как рукой сняло.

– Жалую молодца рублем! – сказал купец и протянул Шергазы серебряную монету.

– А как же заклад? – Сипайлов вприщур поглядел на купца.

Тот полез за пазуху.

– Да не бумажками! Ты давай нам серебром. Возьми-ка, Шергазы. Твои! Утер ты им нос: знай наших!

Выжидание

Весной 1789 г. умер генерал Огарев. Умный и дальновидный чиновник, опытный политик, генерал всячески способствовал развитию торговых и добрососедских отношений с азиатскими народами. Теперь его место занял некто Г.Г.Штрандман, человек совсем другого склада. Этот признавал только один разговор: «держать и не пущать!». Грубый солдафон, никудышный администратор, Штрандман полагал, что везде и всюду нужны крутые меры, «без сантиментов».

Члены посольства были фактически посажены под домашний арест – чтоб не убежали.

А затем судьба нанесла еще один удар: 20 июня 1789 г., находясь на молитве в мечети, умер Абдурахман Кучаков: многострадальное сердце не выдержало свалившихся испытаний.

Охваченные горем Сатынбай и Шергазы, отвезли тело «в степную сторону», повесив на столбах с тем, чтобы при возвращении домой забрать и схоронить по обычаям предков.

Теперь руководителем посольства остался Сатынбай. Он предложил властям выход, какой предлагал его отец: самому остаться в качестве аманата – заложника, а «природного киргизца» Шергазы отправить к Атаке для выяснения дела вместе с пострадавшим Муслюмом Агаферовым. На том и порешили.

Тем временем слухи о неприятностях посольства дошли до Атаке-батыра. Он направил сибирским властям письмо через купца Паши Хошхалбердина (получено в Омске 10 сентября 1789 г.). В нем сообщал о распрях между казахскими и кыргызскими биями. Что же касается ограбления, то ни Атаке, ни его люди никаких обид Агаферову не чинили. Пострадавший сам может подтвердить это. А за чужие грехи он, Атаке, не ответчик. За что же задержаны его послы? Бий просил «прислать к нему этого Муслюма для выяснения обстоятельств ограбления, а царские деньги (800 рублей) вручить Сатынбаю Абдурахманову, которому он вполне доверяет».

История с расследованием оказалась настолько запутанной, что лишь через пять лет сибирские власти разобрались во всех обстоятельствах дела.

Весной 1793 г. было вынесено заключение, что «никакого ему (Муслюму Агаферову) ограбления как вперед ехав к Атаке, так и обратно не было».

Нашлись и подлинные виновники – враги Атаке, которые не были заинтересованы в том, чтобы новый торговый путь пролегал через Киргизию. Караван Агаферова «был ограблен» хутаймендинскими (из Среднего жуза казахов) теленгутами Таир Бердой и Ак-Кочкором.

Купец А.Нурмаматов, отчаявшись возместить убытки, написал генерал-майору Я.В.Боуверу 3 апреля 1793 г.: «Я уже подаваемую от себя прозьбу и прописанной в оной иск вознамерился оставить без всякого действия...»

Было вынесено решение: «Сатынбай Абдрахманов от сего дела представлен свободным». Как пишут историки, «доверие к Атаке было восстановлено, препятствия на пути к установлению нового торгового тракта через Киргизию устранены».

Но за эти годы произошли многие события.

Бий Атаке умер. При родах скончалась юная Айгуль, так и не увидев желанного Шергазы. Сарыбагыши, изнемогавшие в междоусобной войне с другими кыргызскими племенами и казахами, попали к тому же в поле зрения агрессивных кокандских правителей. Некоторые северные

племена были завоеваны в начале XIX в. Кокандом. Другие, во главе которых стояли сыновья Атаке, откочевали из Чуйской долины в Восточное Прииссыккулье.

Опасения старого и мудрого бия Атаке оправдались. И правоту его подтвердила сама жизнь: кыргызским племенам требовался могущественный покровитель, способный навсегда покончить с феодальной раздробленностью и межплеменной враждой, оградить от агрессии соседей.

И это было сделано спустя несколько десятилетий: 17 января 1855 г. иссыккульские кыргызы официально приняли подданство великой России.

Эпилог

Память о славном Атаке-батыре надолго сохранилась среди кыргызского народа.

У пропасти Шаты Чокану Валиханову в 1856 г. показывали «тропу Атаке». Там же находилась и могила его сына Карабека.

Токмакский уездный начальник Г.С.Загряжский писал, что у сарыбагышей рода тынай еще в конце XIX в. сохранялся боевой клич – ураан «Атаке!».

Но самая главная дань давно ушедшему батыру – наша память: он был первым, кто хотел проложить дорогу дружбы между кыргызским и русским народами. Не его вина, что это не удалось тогда сделать. Однако ничто на свете не проходит бесследно. Идея, владевшая Атаке-батыром, превратилась в жизнь.

Сегодня мы пожинаем благодатные плоды от тех семян, которые впервые были брошены в добрую почву двести с лишним лет назад...

Документы,

---

*характеризующие
важнейшие этапы
истории кыргызско-
российских отношений*

Полномочные посланники Петра

I

Перед нами два документа – свидетельства проявления интересов правительства Петра I к Средней Азии и попытки проникновения его посланцев в центр кран. Два донесения полномочных царевых посланников.

«Со всякою покорностью Вашему Величеству последнее мое слово предлагаю, что ежели вы желаете себе авантаж добрый и довольную казну прибрать, лучшего способу я не сыскал, что ко описанным местам собираться (сила все резоны уничтожить); посторонних велико опасение не будет, а наипаче при нынешних случаях; ибо все дженерально между собою драки имеют: Озбеки Хивинские, Бухарские, также Пантханские, Авгани в войне давно с Кизильбашами; одни Индейцы остались, и те пуще всех в беспокойстве обретаются, для того, что тамошние князья между собою в жестокой войне. А что Такшенцы, Киргиси, Каракалпаки и Казаки, и тие никакое помешательство учинить не могут, а наипаче ныне; ибо черные Калмыки оных Казаков в пень разорили и что наилучший городок у них взяли и тут засели...

Из Бухары, 10 марта 1722 г.»

Это – копия с «цифирной реляции», направленной Петру I его посланником в Бухаре Флорио Беневени.

II

«...Того же числа приезжал от Санжи зайсана Калмык Цуй и говорил, дабы люди наши за кошею далеко без караульщиков не ходили, опасаясь будто от Казачьей орды и от Бурутов, чтоб не увезли кого или не ограбили, о чем мне сумнительно стало быть. И на сие сказано ему: мне очень удивительно, чтоб так близко от Урги Казачьей орды люди, или Бороты, или какие неприятели учинили нам вред. И

он, видя, что не хорошо ему приказано, с трусостью сказал: мы де опасая вас, чтоб полоненники Казачей орды и Бороты не ограбили. И то их лукавство видно, дабы наши люди ни с кем не виделись и ни о чем бы не уведомились...

И потом он, Контайша, Бухарцев, живущих в городах в Эрке-ни, в Турфане, в Кашкаре, в Аксу и в прочих к ним принадлежащих городках, под свою власть привел... К тому ж народом, имянуемым Бурутами, завладел, которые кочуют около озера, имянуемого Тускель, и с Казачею ордою граничат. А оных народов около 5000 кибиток находится, а войска их около 3000 доброго собраться может..."

*Из путевого журнала капитана от артиллерии
Ивана Унковского о пребывании его у хун-тайчжи
Цеван Рабтана в 1722-1724 гг.*

Письмо поволжских беженцев-кыргызов Екатерине II

10 декабря 1775 г.

« ...Вашего Императорского Величества мы, всеподданнейшие рабы закона магометанского, природою киргизцы и предки наши сначала жительство имели в городах, называемых Инжия и Аксуве, а оттуда перешли добровольно к зенгорскому хану, находились у него птичьими охотниками, а потом были в ведомстве китайского хана, но по причине бывшего тогда тамо замешательства напоследок перешли уже жить в Россию, где по указам предков Вашего Императорского Величества состояли мы под ведомством калмыцкого хана Дондук Даши и сына его наместника ханства Убаши, по самый побег калмыцкого народа за границу, а по побеге оною, оставаясь с прочими тухменскими татарами при Астрахани, служили Вашему Императорскому Величеству и никто нами не владел... А ныне, к тому уже четвертый год, как бывший астраханский губернатор Бекетов нас,

рабов Вашего Императорского Величества, безо всякой причины взял к себе и содержит нас с прочими своими крестьянами в рабстве, отчего и пришли мы, низжайшие, в крайнее и несносное убожество и разорение, а сверх того и от управителя его татарина, называемого Абуза Абдула Хафизова, крайне притеснены, ибо оной кроме того что усиленным образом взял у нас деньгами 110 рублей, одного жеребца, одного мерина, трех кобыл, трех коров дойных и одно ружье, у некоторых из нас отымает и жен и отдает другим людям. Того ради, Вашего Императорского Величества всенижайше просим из холопства означенного губернатора нас повелеть освободить и присовокупить к живущим при Астрахани трухменцам, дабы мы, низжайшие, могли обще с ними Вашему Императорскому Величеству по-прежнему служить...»

АВПРИ, ф. Киргиз-кайсацкие дела,
оп. 122/1, 1775, д. 1, л.1.

**Письмо
сарыбагышского бия Атаке
начальнику сибирских линий
генералу Н.С. Федцову
о посольстве в С.-Петербург**

23 августа 1785 г.

«Управляющемуся в делах Ея императорскаго Величества господину генералу, от происшедшего родом (из) славных и чиновных людей, бывших при древних царях Соломоне и Александре Македонском, а ныне по колену рода своего управляющим народом диких киргисцов Атики бытыря Тянейбиева сына, свидетельствую поклон, и посылая с моими людьми Абдрахманом и Ширгазой двух Вам лошадей, прошу сию первую мою услугу благосклонно принять, а о будущих не премину старатца оказывать оныя, штоб Вы уверительно их знать могли, затем с оными же Абдрахманом и Ширгазой отправил я к поднесению Ея Императорскому Величеству три

барсовые кожи и пять рысьих. Желаю чрез их знать о Высочайшем здравии Ея Величества. Во уверение чего к подлинному письму приложена чернильная ево печать».

Госархив Омской обл., ф. 1, оп. 1, д. 237, л.157.

Послание Атаке-бия Екатерине II

Лето 1785 г.

«... А наконец Вашему Императорскому Величеству Всемилостивейшей Государыне всеподданнейше доношу, што как вышеписанных предков моих, оказываемые державе Вашего Величества услуги, поколику сил их было, и также ныне и мой Атике Тяней биева сына посредством препровождения в Россию купчески Таш(кентского) каравану, дабы известно было чево к Вашему Императорскому Величеству послал я при караване одново арапа, три барсовые кожи и пять рысьих, а в препровождение их двух человек моих людей Абдрахмана и Ширгазю, чрез коих всеусерднейше желаю знать о Высочайшем здравии Вашего Императорского Величества».

Госархив Омской обл., ф. 1, оп. 1, д. 237, л. 157

Ответное послание князя А.Вяземского от имени Екатерины II Атаке-бию

23 января 1787 г.

«Почтенный Этеке Багадур.

Получа дружественное Ваше письмо с почтенным Вашим Абдрахманом, отправленным от Вас для всеподданнейшего поклонения Ея Императорскому Величеству нашей Всемилостивейшей Государыне, имел я щастие доносить о том Ея

Величеству. По чему Всемилостивейше снисходя на изъясняемое о сем в упомянутом письме Вашем прошение и приемля оное знаком Всеподданнейшей Вашей к освященнейшему Ея престолу преданности и усердия, удостоить изволила того присланного от Вас допустить пред Высокомонаршее Ея Величества лице со оказанием ему высочайшего своего милосердия, каковое по сродному Ея человеколюбию всем подданным своим оказывать обыкновенно изволит. А по сему Ея Величеству благоугодно было Всемилостивейше указать принять для услуг при высочайшем Ея Дворе и присланного от Вас арапа, так же три барсовые кожи и пять рысьих шкур с пожалованием Вам за сие пяти сот рублей, да трех сот рублей в подарок, кои все серебряною монетою и препровождаются к Вам с вышеозначенным присланным от Вас, которой так же с другим при нем милосердно были здесь содержаны и благоприсойно награждены. И так, почтенный Этеке Багадур, ни мало не сомневаясь, твердо по всему оному (Вы) заключить можете о Высочайшем Ея Величества благоволении и покровительстве к Вам и подвластному Вам народу, в чем удостоверяя Вас по Высочайшей воле Ея Величества уповаю, что Вы, сохраняя Ваше усердие и преданность к священнейшему престолу Ея Императорского Величества, почтитесь всемерно доказать оныя при всяком полезном для службы ея случае не едиными словами, но и самим делом, и сим учинить себя с тем подвластным Вам народом достойными и впредь Высокоматеринского Ея Величества милосердия.»

РГАДА, ф. 15, д. 2, ч. IV, л. 486-487.

***Из журнала заседания
Комитета Министров России***

1815 г.

«Начальник Сибирской линии генерал-лейтенант Глазенап, усердствуя к распространению на линии торговли в бытность его в 1813 г., в крепости Семипалатенской, согла-

сил тамошнее купечество отправить караван с товаром на 321 тыс. рублей в китайский город Аксу, для прикрытия коего отрядил он казаков, и в виде посланцев препроводил переводчика губернского секретаря Бубенова...

Отряд казаков и переводчик Бубенов, сопровождавшие караван до самого почти города Аксу, возвратились ныне на линию и донесли, что они следовали через всю киргизскую степь благополучно и диких киргизцов почтеннейшие бии Ширайли и Ниязбек по благоразумным внушениям, быв склонны в пользу россиян, обязались сопровождать купеческие караваны на своей ответственности и пошлины не брать. Для большего же удовлетворения в дружбе прислали к начальнику Сибирской линии депутатами своих сыновей Кайчибека и Якуба, которые изустно изъявили желание производить с нами торговлю и готовность быть всепомоществователями к препровождению караванов через их область.

Начальник Сибирской линии, удостоверив, что от восстановления сношений и утверждения дружбы с сими дикими киргизцами, торговля на Сибирской линии придет в цветущее состояние, почерпая богатство из источников Индии, Кашемира и других смежности лежащих областей, испрашивает: депутатам диких киргизцов сыновьям биев Кайчибеку и Якубу чины капитанов и сабли..., губернскому секретарю Бубенову, составившему описание пути, по коему проходил караван до города Аксу, за отличное старание в исполнении данного поручения следующий чин и жалованье по тому окладу, а ташкентскому почетному старшине Меркурбану Ниязову, беспрекословно исполнявшему сию экспедицию на собственном иждивении за понесенные им труды, чин поручика...

Комитет министров положил: испрашиваемые начальством Сибирской линии награждения назначить согласно с его представлениями.

Депутатов, прибывших от диких киргизцов, возвратить.».

РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 58, л. 453-458.

**Донесение
начальника Омской области
С.Б. Броневского
генерал-губернатору Западной Сибири
П.М. Капцевичу**

16 декабря 1824 г.

«Известия, полученные о дикокаменных киргизах, оказались справедливыми. Депутаты их в числе семи человек прибыли уже в Семипалатинск и на сих днях ожидаются в Омск. Они прислали ко мне от родоначальников своих письма, с которых, а равно и доставленного ими от султана Сюка Аблайханова по сему же случаю переводы при сем подношу.

Посещение сих депутатов есть новое доказательство, что «Устав об управлении киргизов» принят будет и в отдаленности степи, и что торговые сообщения с азиатскими владениями чрез кочевья дикокаменных киргизов, служивших до сего преградою, могут в скором времени восстановиться в прочное состояние, если правительство не откажет покровительствовать здешней торговле и преподаст зависящие от него средства...».

Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 93.

**Перевод письма
кыргызских биев Хаджибая Нуши,
Мусы и Кайчибека Ширгалиных
сибирским властям**

6 декабря 1824 г.

«Пребывающему в городе Омске его высокоблагородию Семену Богдановичу (Броневскому).

Свидетельствуем наше нижайшее почтение. Посланное от Вас в прошлом году письмо мы имели честь получить, засим приятным долгом поставляем себе сим спросить Вас о Вашем здравии; препроводили мы к Вам родного брата нашего

Абильгазу с товарищами при нем: Токтагулом Исенбаевым и Сарбеком Исеновым, уверены, что Вы не оставите препроводить их к Высочайшему Двору для лицезрения Государя Императора. В прошедшем году с командированным от Вас для препровождения в Кашкарию каравана хорунжим послали к Вам письмо с изъявлением войти нам Государя Императора в российское подданство и вместе с ним препроводили сродного брата нашего Галчибека; сего же года, прибыв в кочевья наши для торгу при старшине Уйсунбае, купцы Файзулла Сейфуллин и Петр Андреевич, от коих мы слышали, что подданных Государю Императору в кочевьях киргизских для спокойствия их заводятся селения, что самое мы и народ наш приемлем за благо, желаем, чтоб и в наших кочевьях восстановилось таковое ж спокойствие. Вы просили нас письмом Вашим насчет удовлетворения ограбленного нашими киргизами купеческого каравана, а как у нас султанов нет, народ же наш нам не повинуется, а потому не благоугодно ли будет Вам послать к нам воинский отряд, а мы могли б показать шалунов киргизов, которых и утомили б чрез таковое доброе распоряжение Ваше, весьма удобно бы было в последствии времени безопасно проходить купеческим караванам; еще просим не оставить Вашими милостями посланного нашего брата с товарищи, во уверение чего отца нашего Ширгали Шипакова печать приложили».

Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 100-103.

***Ответное письмо
С.Б.Броневского бугинским биям***

Май 1825 г.

«Сын Ваш с товарищами были у нас в областном городе Омске, доставили от Вас приятное письмо, получили от нас в знак дружбы и благоприязни подарки и ныне по желанию их возвращаются благополучно в свои кочевья в сопровождении почетного военного отряда.

Похвальный Ваш, почтеннейшие бии, вызов сопровождать наши купеческие караваны в Кашкар и Аксу доведен до сведения верховного Российского правительства и принят с величайшею благосклонностию и признательностию.

Для утверждения же на всегдашние времена дружбы нашей с Вами Россия предлагает Вам свое могущественное покровительство и защиту с тою уверенностию, что Вы постоянно и неизменно будете благоприятствовать нашей торговле, препровождать и охранять купеческие караваны, усмирять толпы хищных людей и прекращать грабежи.

Сею святою дружескою связью да утвердятся мир и спокойствие и водворится счастье и благополучие, которых желаю Вам на многие века.

Но буде потребна будет Вам от России защита, то присылайте к нам Ваших людей, объясняйте откровенно о народных нуждах и не останетесь без удовлетворения».

Полковник Броневский.»

Госархив Омской обл., ф. 3, оп. 1, д. 419, л. 43-44.

Из дневника Ф.К. Зибберштейна

12 октября 1825 г.

«Кончив обозрение озера Ис -Сыкул, я возвратился обратно в аулы бия Епалака, там, согласившись с ним, в сопровождении многих почетных биев и киргиз, мы отправились в аулы бия Улыжбая, где положено было сделать народное собрание для исполнения известного поручения, на каковой конец хорунжим Нюхаловым приглашены были все дети бия Ширалы с их дядьями и другие бии, кроме Яик-Амана.

В собрании том с достойною важностию отданы были письма и объявлены самые обстоятельства, для которых отряд был к ним послан. Все предложения наши были приняты обществом старейшин с знаками хорошего расположения в их пользу, почему и можно было ожидать тогда же согласия; но обстоятельство, которое ниже будет означено, останавливая их на пути желания, уклонило их на сей раз от решимости...

Напоследок благоразумным внушением хорунжего Нюхалова о той сильной защите, какую приобретут они от могущества российского покровительства, бии Ульжебай и Епалак первые отторгнули всякую мысль о Кохании и примером доброго своего соревнования к славе Российской державы, увлекли с собою и всех прочих родоначальников, которые в исполнении требований наших дали подписки и благодарные письма к г. генерал губернатору Западной Сибири ...».

*Путевые замечания Омского гарнизонного полка
лекаря Зибберштейна. 1825 г., октября 12.*

Публикация и предисловие М.П. Вяткина.

//«Исторический архив», т. 1. – М.-Л., 1936. – С. 248-249.

**Письмо
бугинских манапов генерал-губернатору
Западной Сибири Г.Х. Гасфоргу**

10 июля 1854 г.

«Его превосходительству, высокостепенному и великодушному господину генерал-губернатору Западной Сибири и корпусному командиру.

От кочующих в Алатавских горах в окрестностях Иссык-Куля богомольцев Ваших манапов черных киргизов из рода богу и прочих.

Прошлого 1853 г. в сентябре месяце просили мы Ваше Высокопревосходительство о том, что не соблаговолит ли Всемилостивейший Государь Император принять нас под свое высокое покровительство, изъявляя в то же время желание наше принять присягу на верноподданство России.

В этом намерении желали мы отправиться к Вашему Высокопревосходительству, чтобы по обрядам и правилам Мухаммеданского закона, с воспоминанием имени Всевышнего бога, пред священным Кораном совершить нашу присягу.

На каковую просьбу нашу мы имели счастье получить без всякого замедления от Вашего Высокопревосходительства чрез господина пристава Большой орды полковника Пере-

мышльского ответ о том, что Его Императорское Величество Всемилостивейший Государь Император соизволил изъявить согласие принять нас под свое высокое покровительство.

В душевной и искренней радости, все мы (большие и малые) по своему обыкновению принесли наши молитвы о счастья и долголетию Великого Царя, его Августейшей Фамилии и всех верноподданных.

Затем, Ваше Высокопревосходительство, по милостивому расположению своему к нам, изволили приглашать в Омск нескольких почетнейших манапов для исполнения присяги пред Кораном. Почему мы факиры (бедные) большие и малые с общего согласия, послали от себя депутата с доверительною грамотою не только в Омск, но даже и к самому Великому Государю Императору для исполнения верноподданической клятвы пред святым Кораном с произнесением священного имени Всевышнего Бога, пользующегося между нами уважением и доверенностью манапа нашего капитана Каджибека Ширалина и утвердили грамоту эту нашими печатями и тамгами.

На подлинной приложены печати: Сарбека Саскина, Бурамбая Бекмуратова, Хаджибека Шапакова, Мурат Алибия Пирназарова, Байбуры Хаджибаева и Тулекматбия Джилкыйдырова; тамги: Балбая Ишходжина, Самсалы Джекегабова, Кукчи Уметова, Джаубасара Тулина, Джилденя Ишан-Ниязова, Усина Муготина, Байгана-Батыр Джаныбекова и Бурукбая Сеидова».

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив. 1-7,
оп. 6, д. 1, л. 57-58.

Присяга кыргызов племени бугу на подданство Российской империи

17 января 1855 г.

«Я, доверенный от манапов, биев и прочих родоначальников и старейшин рода богу Орды дикокаменных киргизов, неподведомственных никакому правительству, обещаюсь и клянусь всемогущему богу, что род богу Всепресветлейшему Держав-

нейшему, Великому Государю Императору Николаю Павловичу, Самодержцу Всероссийскому и пр. и проч., и проч., и Его Императорского Величества Всероссийского престола наследнику, Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и великому князю Александру Николаевичу хочет верным, добрым, послушным и вечно подданным быть и никуда без Высочайшего Его Императорского Величества соизволения и указа в чужестранную службу не вступать; тако ж с неприятелями Его Императорского Величества вредительной откровенности не иметь, ниже какую заповедную корреспонденцию внутрь и вне Российского государства содержать, и никаким образом противу должности верных подданных Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащие права и преимущества, узаконенные и впредь узаконяемые, по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том во всем живота своего в потребном случае не щадить, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может. О ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том в роде богу кто уведает, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать и тшаться будет; когда же к службе и пользе Его Величества какое тайное дело, или какое б оно ни было, которое приказано будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне и никому не объявлять, кому о том ведать не надлежит и не будет. Сие должен и хочет род богу верно содержать, елико оному Всемогущий Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключение же сей моей клятвы целую слова Св. Алкорана. Аминь.

Января 17 дня 1855 года.

По-татарски написано: По сему клятвенному обещанию присягал манап дикокаменного киргизского народа капитан Каджибек Ширалин, в чем приложил свою печать, и киргизы: Мунач Бердибеков и Джентай Султанаев приложили свои тамги».

АВПРИ, ф. СПб. Главный архив. 1-7,
оп. 6, д. 1, л.67-68.

**Из годового отчета
начальника Токмакского уезда
о начале переселенческого движения**

1868 г.

«В Токмакском уезде в течение 1868 года была сделана в первый раз народная перепись киргизов... По переписи оказалось: киргизов – 24072, сартов – 120 кибиток. В уезд приходят из внутренних губерний добровольные переселенцы. До 1868 года здесь было 15 крестьянских семейств, в 1869 году прибыло еще 60...

Токмак до 1868 г. был укреплением, но в этом году он назначен административным центром уезда и предложено обратить его в город. Ввиду ожидающихся переселенцев, на месте предполагаемого города разбиты улицы на кварталы, на некоторых участках вновь прибывшие крестьяне строят уже свои землянки...

В 1868 году построено Нарынское укрепление около Русского моста через реку Нарын. Пока там только одни солдатские помещения, но полагается поселение колонистов, если таковые будут прибывать. Русский мост выстроен в 1868 году.

У киргизов же за неимением усадебных земель и самой продажи их не существует...»

ЦГА Рказах., ф.и. 44, оп. 9, д. 41, л. 11-14.

**Из донесения
зав. дипломатической частью канцелярии
туркестанского генерал-губернатора
Н.П. Стремоухова К.П. Кауфману**

31 июля 1873 года

«Ваше превосходительство!

Возложенные на меня занятия, по дипломатической переписке, побуждают меня, ставят в обязанность передать

Вашему превосходительству некоторые сообщенные мне сведения о беспорядках, происходящих в настоящее время в Кокандском ханстве, и о положении дел на наших пограничных с Кокандом землях; тем более, что беспорядки эти приняли очень серьезный оборот и могут повести за собою большие изменения в делах ханства...

Еще с давних пор до прихода русских в Туркестанский край, а именно со времени Мингбаши Мусульманкула, родом из кипчаков, кокандские власти возбуждали против себя негодование киргиз, негодование, которое несколько раз переходило в открытую ожесточенную борьбу. Много крови было пролито в этих междоусобных войнах; вероятно, и в будущем немало будет принесено человеческих жертв в угоду хану кокандскому.

Перемена к лучшему, к миру, может произойти только тогда, когда ханы откажутся от своей жестокой и полной корыстолюбия и эгоизма, все подавляющей и уничтожающей политики и станут к киргизам в более человеколюбивые и справедливые отношения... Они силою хотят подчинить жизнь киргизов шариату (хотя киргизы считаются мусульманами, их нравы и обычаи совершенно различны с мусульмановскими). Вернее, можно было бы сказать, что у киргизов совсем нет никакой религии. Управляют же они по адату (обычное право), которое очень резко отличается от шариата...

Оседлое население терпело и молчало; только кочевники (киргизы и кипчаки), более энергичные и менее испорченные мусульманской цивилизацией, высказывали еще решимость защищать свою самостоятельность. Но и этим пришлось испытать тяжелый удар.

Худояр-хан приказывал их резать не сотнями, а тысячами и обратил Коканд в обширную лобную площадь, на которой ежеминутно умерщвляли без всякого суда. В особенности, всех поразила ужасом казнь самого влиятельного, способного и деятельного из кипчаков, тестя хана Мусульманкула, по прозвищу Чулак, т.е. хромой, калека. Худояр забыл все, чем он был обязан Мусульманкулу, и за все оказанные ему услуги отблагодарил предательской смертью. Уступая силе и жестокости, киргизы и кипчаки затаили вражду и ненависть,

покорились в ожидании удобного случая, чтобы отомстить кровью за кровь... Алчность, зависть к благосостоянию других, подлая хитрость, безграничная жестокость и страшная подозрительность – суть главные характерные (не самые легкие) черты Худояр-хана, настоящего владельца Коканда. Близость русских его очень пугает, но вместе с тем, благодаря своей хитрости, он сумел найти в могучих соседях опору против всего кокандского населения, которое, если бы не боязнь ко вмешательству России в дела ханства, давно бы восстало против него и положило конец его деспотическому владычеству... Худояру важна не политика, а те богатства, которые он в огромных размерах выжимает из своих подданных и кладет себе в карман...

В настоящее время дикокаменные киргизы, утомленные постоянными несправедливостями, не видя им конца, поднялись против Худояр-хана и дали своей ненависти к нему вырваться наружу.

Волнения начались в городах на юге и юго-западе ханства. Кокандский хан послал к киргизам зякетчи для взимания за текущий год зякета, гораздо большим против обычного размера (ежегодный взнос не превышал 8 тыс. тиллей). Киргизы еще не забыли произведенной между ними и Худояр-ханом в 1853 году резни; кроме того, (в) постоянных, увеличившихся и без того многочисленных и самых разнообразных поборах они видели свое окончательное разорение. Настоящий сбор переполнил горькую чашу, которую им пришлось столько времени испивать, и привел их в полное негодование. Они отказали в зякете, изувечили (иные говорят, убили) приехавших к ним сборщиков, задержали их, отняв все, что они успели собрать, открыто восстали против хана...

Открытые военные действия начались взятием Узгена и стратегического пункта в горах Соха, хорошо укрепленного, в котором хранилась секретная казна хана. И казна, и комендант последнего укрепления, таджик Алим-Кичик, были захвачены и увезены в горы. Этот успех дал киргизам в деньгах и оружии средства для дальнейшего наступления и имел последствием слияние дикокаменных киргиз и кипчаков всех родов.

Предводитель восстания неизвестен – предполагают сына Мухаммед-Али-хана, известного у туземцев под проstonародным названием Мадали-хан...

Бунтовщики спустились теперь в Кокандскую долину, и, как говорят, уже овладели Андижаном. 2000 человек перешли из кокандского войска к киргизам...»

ЦГА РУзб., ф.и. 1, оп. 1, д. 278, л. 1-8.

***Из отношения командующего войсками
Туркестанского военного округа
К.П.Кауфмана военному министру
Российской империи Д.А. Милютину***

5 декабря 1875 г.

«... В настоящее время в Кокандском ханстве господствует беспорядочный, дикий элемент, кочевое население ханства киргизы и кипчаки, тот элемент, который постоянно уклоняясь от наших ударов, в минувшую Кокандскую кампанию сего года, видимо, намерен продолжать борьбу с нами. Помимо враждебности нашему владычеству, эта грубая сила, по самому существу ее не подчинялась и не подчиняется никакой законности, никакому порядку. Для обуздания ее, для того, чтобы хотя несколько сдержать ее, я остановился пока на следующей мере: я предписал свиты Его Величества генерал-майору Скобелеву, с частью вверенного ему Наманганского отряда, произвести движение на земли кипчаков в то время именно, когда они осядут со своими семьями и имуществом на зимовках.

Генерал Скобелев предполагает произвести эту экспедицию в Екису-Арасы, между 13-го декабря и 10-го или 15-го января. Конечно, от большой или меньшей успешности этого предприятия, т.е от большей или меньшей силы нашего удара в средоточие кипчакского населения, много будет зависеть будущее направление дел в Кокандском ханстве...

...История Кокандского ханства представляет собою целый ряд беспрестанных восстаний кипчаков и киргиз и

борьбы государственной власти ханства Кокандского с этим беспокойным элементом его населения. Настоящий пример Кокандской кампании сего года, также весьма резок и характерен. Погром Махрамский, а за ним преследование кипчакских и киргизских скопищ с Автобачи во главе от Маргелана до Уша и Карасу временно смирили их, и тогда все ханство подчинилось нам, но не успел наш действующий отряд переправиться на правый берег Сыр-Дарьи и расположиться в Намангане, как на левом берегу Дарьи, в восточной части ханства, где собственно и группируется кочевое его населения знамя бунта и газавата (священной войны) снова было поднято и немедленно отразилось беспокойствами и беспорядками во всем ханстве, а также и в пределах новых наших владений, в Наманганском отделе...

...Непрекращение с нашей стороны такого состояния в Кокандском ханстве, подрывая наш престиж в Средней Азии, дискредитирует веру всего здешнего населения в нашу силу...

...Я высказываю поэтому мое твердое убеждение в необходимости действовать скоро и решительно. Способ действия заключается в занятии предстоящую раннею весной 1876 года всего Кокандского ханства...»

ЦГА КР., ф.и. 75, оп. 1, д. 53, л. 86-88.

Донесение
и.г. Туркестанского генерал-губернатора
Г.А. Колпаковского командиру
войскам Туркестанского военного
округа К.П. Кауфману

2 февраля 1876 г.

«Генерал Скобелев доносит из Намангана: ночью на 28 шесть с половиною сотен, ракетная батарея, конная стрелковая рота под начальством флигель-адъютанта ротмистра Меллера-Закомельского пройдя 84 версты у Уч-кургана в Каратегинских горах напали на лагерь Пулат-бека. Подо-

шли (к) Уч-Кургану (в) десять часов вечера, скрытно расположив кавалерию (на) главных путях отступления неприятеля; для овладения урдою направлен (со) спешенными второю ротой конных стрелков, первую Сибирскую сотнею капитан Куропаткин. Смелое решение флигель-адъютанта Меллер-Закомельского атаковать неприятеля ночью, на неизвестной, крайне пересеченной местности, (с) укрепленным кишлаком, (в) семидесяти верстах от пехоты, увенчалось полным успехом. Урда взята штурмом, сарбазы, ее защищавшие, переколоты. Взято с боя пять медных орудий, бунчуки Пулат-бека, его наиба Мумына, четыре значка, все имущество, лагерь, обоз, множество оружия, одних фальконетов сто, барабанов двадцать, труб четыре. Поражение неприятеля окончательно. Наших несколько раненых, сколько неизвестно. Кавалерия вернулась (в) Ассаке двадцать девятого, Маргеланский бек привез (в) Андижан 16 орудий, ханские экипажи, 29 явились (в) Андижан Турсункуль и все знатные люди Маргелана с покорностью. Явились депутаты из Оша, Узгента и самого Кокана; ханство изъявляет покорность; ожидает решения своей участи.

Генерал-лейтенант Колпаковский

ЦГА Кыргыз. Р., ф.и. 75, оп. 1, д. 52, л. 85.

***Указ Императора Александра II
Правительствующему Сенату
о ликвидации Кокандского ханства
и образовании Ферганской области***

19 февраля 1876 г.

«Указ Правительствующему сенату.

В видах упрочения спокойствия и безопасности на юго-восточной границе Туркестанского края, признав за благо присоединить к империи вновь занятую нашими войсками территорию, составляющую до прошлого 1875 г. Ханство Кокандское, повелеваю: образовать из нее область Ферганс-

кую, со включением в состав Туркестанского генерал-губернаторства и Туркестанского военного округа. Сообразно сему, главное управление новой области возложить на туркестанского генерал-губернатора, а местное областное управление на военного губернатора, с подчинением сему последнему и расположенных в области войск, с званием командующего войсками области.

Частное управление Ферганской области предоставляется туркестанскому генерал-губернатору ввести, применяясь к настоящим обстоятельствам и местным условиям в виде временного положения, впредь до утверждения онаго в установленном порядке.

Правительствующий Сенат не оставит сделать надлежащие распоряжения к приведению сего в исполнение.

На подлинном собственною Его Императорского Величества (рукою) написано «Александр».

РГВИА, ф. ВУА, д. 6886, л. 30-31.

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
Краткий экскурс в историю кыргызов – древнего горного народа	8
Первое кыргызское посольство в Россию	19
Обмен кыргызско-российскими посольствами в первой половине XIX в.	29
Присоединение Кыргызстана к России	39
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭССЕ	49
Птенцы Петра Великого на Тянь-Шане	50
Первое кыргызское посольство в Санкт-Петербург	69
ДОКУМЕНТЫ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ВАЖНЕЙШИЕ ЭТАПЫ ИСТОРИИ КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ ..	105

ПЛОСКИХ В.
С отрогов Небесных Гор до Северной Пальмиры

Подписано к печати 20.05.2003
Формат 60x84 ¹/₁₆. Объем 8 п.л.
Тираж 500 экз.